

Александр Рындин

ПЛОЗЦЯ

18+

Александр Геннадьевич Рындин

Плозия

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30142081
SelfPub; 2018*

Аннотация

Сон сливается с реальностью, когда исчезают воспоминания. Все возможно, и ни в чем нельзя быть уверенным. Ты просыпаешься в незнакомом месте, теперь это твоя жизнь. Выхода нет, идти некуда, единственный движущий импульс – докопаться до истины. Но что она из себя представляет и удастся ли её найти?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	17
Глава 3.	23
Глава 4.	29
Глава 5.	42
Глава 6.	52
Глава 7.	58
Глава 8.	68
Глава 9.	74
Глава 10.	81
Глава 11.	86
Глава 12.	95
Глава 13.	107
Глава 14.	113
Глава 15.	116
Глава 16.	129
Глава 17.	135

Глава 1.

Нарколепсия – чудесное заболевание. Вы не узнаете, пока не попробуете. Как прекрасно одним удивительным утром очнуться в психбольнице и осознать, что я тут уже много лет. Вся моя жизнь – сон. Бодрствую я здесь, только мне предпочтительнее запоминать сновидения, а не рутину пациента лечебницы, я даже толком и не знаю о ней, честно. Но вот настало время просыпаться.

Мне надо восстанавливать реальность по крупичам, как это обыкновенно бывает, когда пытаешься вспомнить сон, приснившийся достаточно давно, чтобы успеть стереться из памяти. Под реальностью в данном контексте я понимаю ту, в которой находится мое физическое тело, и как-то не хочется задумываться дальше на эту тему, поскольку мне и так трудно во всем разобраться.

Итак, восстанавливать по крупичам, как я и сказал. Ярким бликом, запоминающейся крупичей в мире серых мазков была Она. Иногда я и во снах с ней общался, но всегда лишь поверхностно, ведь она не была всецело продуктом моего воображения, хотя, если верить ученым, ни один образ в сновидениях не придуман нами (в смысле внешне), скорее, причудливым образом он вытряхнут из памяти, из мириад

картинок. Вот тут у меня появляется одно из самых мучительных сомнений: если я сижу в лечебнице много и много лет – откуда столько образов? Неужто из моих самых ранних воспоминаний за стенами клиники, которые я успел позабыть?

Мне многое объяснили. Так уж получилось, что я психологически дистанцировался от окружающей действительности, а потому все самые «яркие» моменты повседневной жизни стали заретушированным отражением в хаотическом и удивительном мире снов. Наверное, только с их помощью я еще не сошел с ума. Сказал человек в желтом доме.

Моя настоящая проблема в появившейся нарколепсии: теперь каждая ночь – невыносимая мука. Вместо сновидений кратковременные невнятные блики, оставляющие ощущение иррационального ужаса, спать практически не удастся. А в течение дня, когда я усиленно заставляю себя не уплыть из действительности в свои фантазии, она, настолько унылая, так утомляет меня, что иной раз я просто вырубаясь посреди наполненной людьми комнаты. Хорошо, когда сижу в этот момент. А то бывает, что и падаю на пол. Правда без снов и на несколько недолгих мгновений полной отключки. Такой, впрочем, которая, в случае если жить, пристально высчитывая секунды, выдирает целый кусок твоего драгоценного времени.

Врачи утверждают, что этому нет неврологического объяснения – мозг работает нормально, насколько вообще можно судить о нормальной работоспособности человеческого мозга и о нормальной психике, если уж на то пошло. Я научился говорить, я был, как кататоник. Вероятно, оттого что разговоры здесь настолько скучные и унылые, насколько это вообще возможно. Меня вырвали из грез, из моего чудесного, спонтанного и красивого мира, полного веселого и доброго, страшного и грустного, но непременно всегда интересного.

Моя душевная проблема в том, что Ее нет. Когда я пришел в полное сознание, осуществил прорыв: включился в нормальную жизнь, насколько вообще можно судить о нормальности жизни, тем более такой, как у меня. Когда это случилось, ее уже не было. «Действительно, – говорят некоторые пациенты, – у тебя были друзья, они сидели с тобой и разговаривали». Врачи говорят, что этого не было. Странно, ведь я знаю, что это единственный ключ, та самая связь с внешним миром, которая мне необходима, но доктора так не думают или добиваются чего-то другого, нежели моего выздоровления. Насколько вообще можно говорить о душевном здоровье кого-либо. Весь мир сошел с ума, и очень давно, а нас оградили для собственного успокоения, чтобы ничто об этом факте не напоминало, хотя это всего лишь само-

обман – от напоминаний не укрыться, они повсюду.

Помню сны, где я пересекал неведомые страны, города, горы, поля и степи, океаны и моря. Всегда с какой-то целью, с верой во что-то, со стремлением найти кого-то, что-то совершить, возможностью по-настоящему жить. А здесь? Неужели все они называют это «настоящей жизнью»? «Вы хоть понимаете, насколько скучно и уныло живете?» – говорю я. Они не слушают, не хотят, и их можно понять. Ведь, в отличие от них, я могу принять тот факт, что существуют иные мнения, и для кого-то они вернее всего.

Я помню, как чему-то учился, где-то работал, любил и ненавидел – неужели все это было лишь проекцией на бесконечно бегущие образы по ящику? Не хочу в это верить. А если так, то, получается, единственным источником информации для меня был квадратный монстр, стоящий на комодe в общей комнате? Не хочу, не хочу в это верить! Я помню книги, неужели мне только приснилось, что я их читал? Но в таком случае это действительно бред! Неужели и Ее не было? Ведь первые, как мне показалось, удачно восстановленные воспоминания из «настоящей жизни» связаны с Ней. Но врачи говорят, что, по-видимому, я еще не вернул память, «не прорыл к ней путь», – говорят они, и мне кажется, что это абсолютная чушь.

Идут сухие и серые дни полной апатии. Они хотят довести меня до критической стадии депрессии, когда уже невозможно будет жить? Но я терплю, пытаюсь приобщиться, ведь спать действительно невозможно: как будто натыкаюсь на колючую проволоку, пытаюсь попасть в сновидения, в свой мир – меня выкинули оттуда и заперли снаружи. Какой ужасный и подлый поступок.

Мне нужна помощь, но ждать ее неоткуда. Ведь те, кто ее обещает, явно добиваются чего-то другого. Идет время, то есть так мы думаем, на самом деле время несущественно, оно неуловимо и потому несущественно, хотя давайте я лучше не буду пытаться развить эту тему, а то и так тяжело все это переварить. Все, что произошло и происходит, и будет происходить. Или не будет.

День миллион триста пятьдесят тысяч семьсот первый. Они все еще думают, что я иду на поправку. Ведь говорю им то, что они считают нужным и правильным. «Иду на поправку» – то есть так они это называют. Я сижу в столовой. Со мной заговаривает рядом сидящий:

– Эй, парень, что такой кислый? Хххххххххахахаххх, – говорит он. Один из тех, кто утверждал, что у меня были друзья, которые меня навещали.

«Одна из них, – говорил он, – лежала здесь, в женском отделении, в связи с небольшой постродовой депрессией или нервным срывом, другая была ее подругой, приходившей навещать. Они прогуливались до общей комнаты, где увидели тебя и заговорили. Заговорили с кататоником – отсутствующим человеком, в смысле ты был таким, не реагировал на внешние раздражители, был совершенно замкнут в себе в томительном ожидании отбоя и ночного сна. Очень живые девушки, обсуждали книги, кино, музыку, у той, что была пациенткой, вечно была книга в руках, и она иногда начинала читать, пока та, что приходила, сидела и смотрела на тебя, разговаривая очень тихо. В этом взгляде была глубокая печаль и жалость, но зачастую он отражал ее эмоции на совершенно отвлеченные темы, о которых говорила с кататоником. То есть вроде бы с тобой. То есть сама с собой».

Он еще какое-то время сверлит меня взглядом, после чего возвращается к своему подносу. Я даже не задаюсь вопросом, почему мой мозг предпочитал абстрагироваться от действительности и жить сновидениями – если бы мог, непременно вернул бы все на свои места, как все было. Но это не в моей власти.

Почему врачи обманывают меня? Чего они пытаются добиться? Видя, что я снова погружаюсь в апатию, и скоро дойду до того, что покончу с собой или прорвусь-таки в мир

грез, какова бы ни была защита, они идут на уступки: признают существование посетителей. Это ведь портит им всю игру, неужели они не видят, что назад пути нет и гнутая ими все это время линия окончательно сломалась?

Тем не менее они обещают, что вот-вот устроят свидание с друзьями. Я жду. Надежда поддерживает меня, пока я не начинаю задумываться о том, что это был всего лишь трюк, дабы успокоить буйно-помешанного, правда не такой уж я и буйный. Или нет? Я вдруг понимаю, что никогда не пробовал быть буйным, то есть насколько могу помнить – во снах-то я, бывало, вытворял всякое. Что же все-таки тут происходит?

Однажды утром, во время очередного рутинного ритуала, как-то связанного с началом дня, ко мне приходят. Санитары говорят, чтобы я следовал за ними, и я слеую. Они приводят меня в комнату. В комнате стоит стол, за столом, на котором маятник и компьютер, сидит главврач.

– Ну, как мы себя сегодня чувствуем? – спрашивает он.

– Слегка не выспавшимся, – отвечаю я.

– До меня дошли слухи, что вы по-прежнему настаиваете на встрече с *друзьями*. – говорит он, нарочито выделяя слово «друзьями».

– А вы по-прежнему утверждаете, что их не было? Потому что мне уже успели пообещать встречу.

– Не беспокойтесь, встреча состоится. Проблема в том, что все несколько изменилось. Эм... понимаете ли, мы проверили, и у вас действительно были посетители на раннем этапе вашего лечения. Правда это было давно, три года назад. Сейчас этих людей уже здесь нет, нам потребуется время, чтобы их разыскать. – сочетание «на раннем этапе» и «три года назад» на секунду привлекает мое внимание, но более всего поражает осознание полной неспособности провести какую-либо ретроспективу собственной жизни. Неужели у меня настолько сбито чувство времени? Насколько вообще можно говорить о чувстве времени и его точности.

– Вы слышали, что я вам только что сказал? – осведомляется доктор.

– Да, – глухо отвечаю я.

– Хорошо, что вы вообще о них помните?

– Помню лицо, помню голос, иногда их было два... – неуверенно говорю я.

– Что ж, думаю, встреча с ними действительно может оказать положительный терапевтический эффект в вашем случае. Но, прежде чем это случится, хочу попросить вас об одной вещи: запишите все, что у вас на душе, пишите, не переставая, опишите, почему оказались здесь, что сделали, как характеризуете свое состояние и отношение к окружающему. Проще говоря, чем больше, тем лучше. Главное – быть искренним, и не скупитесь на эмоции. Они особенно важны в нашем деле. – говорит врач и издает легкий, ненавязчивый смешок.

Так что с того разговора я начал писать, вернее, пытаться писать. Однако история, здесь рассказываемая, – это не то, что я писал. Те записи были куда более сумбурными и спутанными, их едва ли возможно кому-то понять. Но я не признавал всю их сумбурность, пока писал их, даже больше – мне они казались безупречными. Поскольку я был единственным, кто улавливал логику и смысл тех записок пациента желтого дома, это совсем не удивительно.

Считаю своим долгом все-таки привести тут некоторые избранные выдержки:

«Запах пороха не покидает меня уже очень давно. Все оттого, что я и есть бочка с порохом. Точнее даже бомба, го-

товая в любую секунду взорваться. Мне не хватает только фитиля, который бы тянулся от моей правой пятки. Запах пороха, как же я его ненавижу. Ненавидел с детства и всегда чувствовал. С ранних лет мы находим в себе черты, которые ненавидим всю оставшуюся жизнь. Во всяком случае, так было со мной. У меня нет приобретенных недостатков, за исключением, пожалуй, тех, о которых мне неизвестно. Но вот запах пороха – его я возненавидел именно как свой недостаток, а не как что-то отдельное от меня. Я не знаю, зачем пишу все это. Ведь смысла в этом чуть – говорить что-то такое, о чем уже прекрасно знаешь. Если честно, по мне это, как сознательно убивать время. Хотя что у нас еще есть, кроме времени? Или у нас вообще ничего нет?

Постойте, и вот ради подобной лабуды я и должен писать? Чтобы размышлять по ходу дела о непреходящем и отвлекаться на лирические отступления?! То есть, получается, все это – полная чушь, обман. На деле, вместо последовательного пересказа (смысла в котором, конечно, немного, но это, по крайней мере, была официальная цель задания) от меня ждут рассуждений. Зачем? Чтобы понять чуть лучше для более тщательного психоанализа? Вот, что странно – я все это пишу, то есть продолжаю записывать, как если бы говорил, размышлял вслух. А почему я так поступаю? Не для того ли, чтобы заполнить как можно больше пространства бумаги текстом, пустыми, ничего не значащими для меня словами, напоминающими какую-то пресловутую теорию заговора?

Хотя, полагаю, Вы, тот, кому я это пишу, уже самостоятельно должны делать выводы. Проблема в том, что мне было сказано четко «писать, не переставая». То есть, как начнешь писать, уже не вставай, пока не поймешь, что совершенно иссяк. И я, похоже, уже близок к этому. Но по существу так ничего и не написал, только бесконечные пустые доводы и реки отступлений. Ведь было сказано описать причину моего поступка, а я тут растекаюсь мыслью по древу в размышлениях и домыслах, домыслах и размышлениях.

Ну да ладно, так уж и быть, я все же сознаюсь. Когда ты – пороховая бочка, способная рвануть в любую секунду, немудрено, что эта секунда должна когда-то наступить. Вот только этого не произошло. На самом деле запах пороха всегда оставался всего лишь запахом пороха, а не предвестником чего-то, что могло бы за ним стоять – чего-то более глубокого и значительного. Да, я всего лишь бочка без фитиля, обреченная на вечные скитания без цели и смысла с нереализованным потенциалом бомбы. Итак, что же в таком случае послужило причиной?

Наверное, это была Она. Девушка, с которой я познакомился и которую полюбил. Совершенно независимо от нее, не включая ее и кого бы то ни было еще в подробности моих несбыточных надежд на совместное с ней будущее. Хотя какое там будущее? Всего лишь желанная минута, мгновение, доля секунды».

Пациент перестает писать, встает со стула, несколько

раз усиленно встряхивает правой рукой. Делает небольшой круг по комнате, идет не спеша. Что-то размеренно в своей голове проговаривает, затем садится обратно за стол:

«Знаете, мы говорили друг другу:

– Ты здесь, ты со мной, ты моя, а я твой.

– Я твоя, а ты мой.

А затем страстно целовались, прижимаясь друг к другу плотно-плотно. Хотя, постойте, нет, это было только у меня в воображении, в моих мечтах. На самом деле, все было куда прозаичнее. Мы почти провели чудесную ночь однажды, когда по нелепому стечению обстоятельств... Хотя, погодите, это очередная ложь. Мы просто разговаривали, причем часто почти без слов, разговоры были в основном на отвлеченные темы, только иногда они касались чего-то более животрепещущего. Мы оба любили музыку, хотя бы это не вранье. Пожалуй, я начал все это расписывать лишь для того, чтобы был повод рассказать придуманное стихотворение», – *он смеется, откидываясь на спинку стула. В дверь тут же стучат санитары:*

– Все в порядке? Ничего не случилось? Можно войти? – *и, говоря это, они, не дожидаясь ответа, открывают дверь.*

– Зачем спрашивать, если вы все равно делаете, что хотите?

Поверьте, приведенный отрывок того дневника – один из самых читабельных, но не в плане почерка, почерк у меня отменный, даже не знаю, с каких пор, может, так было всегда. С того дня, как я начал писать, постепенно начал забывать о *друзьях*. Скорее всего, этого и хотели врачи: чтобы я переключился на что-то другое. Я и сам не ожидал, что настолько увлекусь и стану «сумасшедшим писакой». Так меня называли сожители и санитары. Дикое, безумное, хаотическое вдохновение владело мной, пока я перескакивал с мысли на мысль, с образа на образ. Вечно взъерошенные волосы, воспаленные красные глаза, мешки под ними – полный набор. Цель, какая-то занятость, моментально превратилась в идею фикс. В конце концов, мне стали давать транквилизаторы.

Глава 2.

В одну из моих вдохновенных творческих бессонных ночей у меня случается срыв. Наверное, тогда я впервые ясным взглядом перечитываю свои записи и понимаю, что ничего не понимаю, и даже хуже – ничего не знаю и не помню. Одновременно я осознаю, что прошло полтора месяца с момента разговора с главврачом. И еще один шок поражает меня: чувство времени будто вернулось.

Воспоминание «...три года... на раннем этапе вашего лечения...». Откровение: записи – белиберда, абсолютная бессмыслица. Крик, срыв, стул, летящий в стену, стол, врезающийся в двойной стеклопакет окна, отлетающий от него и разлетающийся на куски. Кровать, о, кровать перевернутая, кровать сломанная, кровать развороченная. Выбитая дверь, санитары, укол, отключка.

Утро, солнце, темный силуэт, я открываю глаза. Передо мной стоит она. Она говорит:

– Проснись.

Я просыпаюсь привязанным к своей койке. Нет, койка не моя, я, очевидно, в каком-то подобии карцера. Дверь со

скрипом открывается. Входит главврач.

– Как мы себя сегодня чувствуем? – спрашивает он, глядя при этом прямо на меня.

– А сами как думаете? – отвечаю я и буквально чувствую всю скованность своего положения в прямом и переносном смыслах.

– Я тут прочел ваши записи. Как оказалось, все куда хуже, чем мы предполагали, но вы, может быть, и сами догадываетесь. – доктор произносит это выжидающим тоном.

– О чем это вы? – сдавленно говорю я.

– У вас кризис самоопределения. Проще говоря, вы не знаете, кто вы, как и когда сюда попали. Обрывки истины есть, но вы очень запутались – ваши фантазии настолько слились с вашим восприятием действительности, что почти невозможно определить, где они начинаются и где заканчиваются. А еще у вас, похоже, совсем плохо с чувством времени.

– Да уж, тяжело. – отвечаю я.

– И правда... – говорит доктор.

– Что же теперь? – интересуюсь я.

– Теперь, когда у нас есть полная картина, можно попробовать подступиться к корню вашего душевного недуга.

– Как все расплывчато, – отмечаю я, – скажите, а что насчет той обещанной встречи?

– Встречи? – как будто не сразу сообразив, о чем речь, главврач какое-то время молчит, прикидывая что-то в памяти. – Ах да, встреча... Почему бы нам не вернуться к этому чуть позже, когда вы немного придете в себя?

Кровь закипает в жилах и пульсирует в венах, кулаки сжимаются, накатывает волна ярости, однако я ничего не говорю, а лишь продолжаю смотреть на доктора. Тот замечает, видимо, некоторую враждебность в моем взгляде, потому что говорит:

– Думаю, вам следует побыть одному и успокоиться. Я дам лекарство...

– Постойте. – говорю я. – Меня кое-что мучает уже давно, я не могу нормально спать, вижу одни кошмары, я словно заперт... снаружи, если вы понимаете... Вы как-нибудь к

этому причастны?

– Что вы хотите сказать?

– Я имею в виду, это вы сделали?

– Нарушили ваш сон? Это смешно, сон крайне важен, неужели вы решили, будто мы подвергаем своих пациентов таким мукам?

– Но ведь до этого...

– Что до этого? Хотите сказать, вы что-то помните? – осведомляется доктор, и мне хочется его задушить.

– Нет, но мне говорили, что я был..., как бы это сказать, кататоником... – неуверенно произношу я, сердце бьется, все тело сковано ремнями, белые стены мозолят глаза, в углу на потолке сидит муха, как будто выжидая чего-то.

– Кто вам это сказал? Другой пациент?

Я молчу, и главврач вскоре продолжает:

– Не стоит слепо верить всему, что говорят, тем более, когда не помнишь, что с тобой было. Однако, справедливости

ради, ваше состояние можно было спутать с кататонией, но я бы, скорее, назвал это глубокой клинической депрессией.

– Ну... и вот я здесь, разговариваю с вами, мне уже лучше или что? – спрашиваю я.

– А как вы сами чувствуете?

– Что именно вы хотите услышать? – недоумеваю я.

– Вы чувствуете себя лучше?

– Я не знаю, что значит «лучше».

Главврач молчит, пока буря мыслей прокручивается у меня в голове. Я понимаю, что по-настоящему не знаю ничего ни о себе, ни о той действительности, в которой пребываю в данный момент. Желтый дом сейчас мне самое место, ведь я совершенно не представляю, как выглядит мир на сегодняшний день. В какой я стране, кто мои близкие, есть ли они у меня вообще.

– О чем вы задумались? – спрашивает доктор.

– Встречи не будет?

– Боюсь, что нет, – говорит доктор.

– А кто я на самом деле?

– Это вам предстоит узнать самому.

Все мои мышцы напрягаются, вены вздулись, ноздри словно распухли, глаза на выкате – ярость переполняет все мое естество. Главврач ясно видит это, и мне кажется, что он улыбается. Входят санитары, делают мне укол, я отключаюсь. Никаких снов.

Глава 3.

Я очнулся в своей комнате или, правильнее говорить, палате. Стол на месте, кровать заменили. Моих записей нет. Видимо, еще один метод лечения. А пытаться вспомнить, что я там понаписал – бессмысленно.

Я лежу и думаю, что же делать. Наконец решаю, что надо встать, и встаю. Потом выхожу в коридор и иду по больнице осматривать окрестности. Коридор представляет собой длинный прямоугольный туннель, по обеим сторонам которого через каждые пару метров понатыканы однотипные двери одноместных палат. Двери белые, а стены с легким налетом желтизны, но вроде бы тоже белые. Потолок также белый с желтизной, а еще с него свисают металлические люстры, будто сопли механического монстра.

Это интересное сравнение пришло мне в голову в то прекрасное утро, когда я вышел из своей палаты осматривать окрестности желтого дома, который впервые признал в качестве своего пристанища, пусть даже временного. Означает ли это, что я сдался? А была ли борьба? Все эти бесконечные вопросы. Иногда надо просто осмотреться и подумать.

Когда коридор заканчивается, я оказываюсь в общей ком-

нате: просторном помещении с диванами, стульями и пуфами, стены здесь ярко-желтые, слева во всю стену окно. Посреди комнаты вроде бы совсем не к месту находится колонна. Вокруг нее время от времени кто-то ходит. Что очень даже напрашивается. Может, для этого ее и поставили. В толпе психов надо уметь определить нужных психов. А что их выделяет? То же, что и все остальное – особые приметы или поведение. Для того чтобы спровоцировать реакцию, нужно смоделировать ситуацию. А что есть эта колонна, если не смоделированная ситуация?

Эти мысли проносятся у меня в голове, и я слышу голос справа от себя. Я поворачиваюсь на голос, так как думаю, что обратились ко мне, но не уловил самих слов.

– Прошу прощения? – спрашиваю я у молодого странно улыбающегося паренька с прической горшком (волосы русые, цвета детской неожиданности), жиденькими усами над верхней губой, издаലെка смахивающими на грязь, и халатом, таким же, как у всех: желтовато-белым, но с небольшим отличием – двумя тоненькими синими полосами на правом рукаве. Если бы не они, он бы затерялся в толпе, но этот псих сам отметил себя среди остальных. Он с гордостью носил эту примету, словно медаль. С такой же гордостью он носил свою странноватую улыбку, дурацкую прическу отвратительного оттенка и даже почти что пубертатные усы.

– Всегда так! – громко говорит он, после чего заливается пронзительным золотистым, ласкающим ухо смехом. Меня это слегка пугает, но в то же время зачаровывает: настолько неожиданно слышать такой смех и такой голос из его уст.

– Что «всегда так»? – после некоторого молчания осведомляюсь я.

– Я специально сижу здесь и говорю что-то неразборчивое в тот самый момент, когда кто-то входит в комнату. Абсолютно все думают, что к ним обратились. Это так забавно! А ведь это обман: каждый обманывает свое тело, никто, особенно здесь, не доверяет своим ощущениям. Ты услышал, что к тебе не обращались, но перепроверяешь это с помощью какого-нибудь вежливого вопроса. Хахаха!

«Твой голос – вот настоящий обман», – думаю я.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – весело говорит голова-горшок.

– И о чем же я думаю?

– Обо мне. И вот мой совет: не стоит. Я – плохой предмет для размышлений. Ты же, с другой стороны, – сказав это, он

спрыгивает со стойки, на которой сидел, – совсем иное дело.

– Почему? – спрашиваю я.

– Хаха! Да то, что ты задаешь такой вопрос, радует меня еще больше! Человек, затерявшийся в пространстве и времени! Человек, у которого появился настоящий второй шанс! – говоря это, он весело и почти незаметно подпрыгивает, всем своим существом выказывая радость и энергию. – Я так рад повстречаться с тобой, наконец!

– А кто ты? – спрашиваю я.

– Мое имя не имеет значения, однако ты можешь звать меня Вергилий. И не думай: в этом нет никакого подтекста.

– Что ты знаешь обо мне?

– Да ты, должно быть, шутишь! Ты же местная знаменитость! – говоря это, он все так же энергично пританцовывает вокруг меня.

– Чего ты хочешь? – недоумеваю я, после чего он останавливается и пристально на меня смотрит:

– Просто пообщаться, – совершенно спокойно и серьез-

но говорит он, чтобы после нескольких секунд наступившей между нами гробовой тишины вновь разразиться своим золотистым смехом. Это конфузит меня невероятно, но я молчу и просто смотрю за ним.

– Эй! Отойди, не приставай к нему! – вдруг говорит санитар, появившийся неизвестно откуда.

– Прошу прощения, достопочтенный! – весело отвечает Вергилий, делая картинный реверанс и отступая на пару шагов. Санитар презрительно фыркает, покачивая головой, после чего обращается ко мне:

– А ты тоже не стой столбом! – говорит он, точно надзиратель, и, не дожидаясь моей реакции, отходит куда-то в сторону или в то неведомое пространство, откуда минутой раньше возник.

Когда голова-горшок Вергилий и санитар-тюремщик покидают меня, я снова остаюсь один посреди общей комнаты, наполненной психами самых разных мастей. К какой же, интересно, принадлежу я?

– Парень, – слышу я голос у себя за спиной и оборачиваюсь на него, чтобы увидеть перед собой старца, – Расскажи мне о своих снах.

– Что, простите?

– Ты меня хорошо слышал, мне ужасно скучно здесь, а, судя по тому, что я знаю, тебе есть, что рассказать. – старец проговаривает это медленно, глядя мне в глаза. Я не могу отвести взгляд, хотя не люблю, когда мне смотрят в глаза (это одна из тех вещей, о которых доподлинно знаешь про себя и никогда не забываешь, как почерк).

– Почему вы решили, что мои сны будут вам интересны? – спрашиваю я, подходя ближе на шаг к старцу, который в этот момент сидит на подоконнике большого во всю стену окна.

– Просто я никогда не видел снов, и мне интересно послушать о них от человека, который жил ими всю жизнь. – это объяснение кажется мне вполне разумным, и я решаю пойти ему навстречу.

– Что ж, пожалуй, я могу поведать вам пару историй, если интересно. – эта идея действительно привлекает меня, ведь я не представляю, чем еще себя занять. Старец улыбается одними губами и кивает, я начинаю рассказывать.

Глава 4.

Я пытаюсь придумать, с чего бы начать, и вдруг понимаю, что история сама складывается в голове. Все, что нужно, – просто начать говорить. Все мельчайшие детали и подробности моих снов дорисовываются в памяти сами по себе, как если бы они оттуда никуда и не исчезали. Никакого удивления нет, только воодушевление перед предстоящей исповедью, в которой я, как оказалось, так нуждался все это время.

– Итак, – начинаю я, – помню, как мрак и серость заволокли мое тело. Я не чувствовал своих конечностей, потому как ощущал себя всего лишь частью общего потока, но не отдельным существом. Это сладостно-мучительное ощущение длилось, казалось, целую вечность, прежде чем я обнаружил себя в помещении старой гостиницы. То был придорожный мотель, и в нем было очень грязно. Я находился в номере, представлявшем собой нечто довольно печальное: кровать с каким-то сдутым прогнившим матрасом, словно бы просто брошенным на проржавевшие пружины, простейшая деревянная прикроватная тумбочка, напоминающая работу неумелых школьников по труду, неработающий телевизор и местами прожженные занавески. Тут был и туалет, но такой, о котором говорить просто не хочется, да и особо нет нужды. Помню стук в дверь, я развернулся, так как стоял к

ней спиной, и подошел. Даже не посмотрев в глазок, я повернул ручку, будто бы знал, кто стучал. Но, когда дверь была открыта, за ней никого не оказалось, почему-то это меня испугало. Я решил не возвращаться в номер, хотя первая мысль была именно такой, вместо этого я выбежал в коридор направо. Я бежал и бежал, резко поворачивая в последнюю секунду до столкновения с очередным углом. Достаточно быстро коридор вывел меня на улицу, где, к моему удивлению, стоял яркий солнечный день. Не оборачиваясь на мотель и даже забыв о нем, я шел по незнакомой местности, не задаваясь вопросами о том, как здесь оказался, что намерен делать, да и кто я, собственно, такой. В те секунды все казалось таким, каким должно быть. Былолюдно, как на оживленной городской площади. Я шел, зная куда идти и в то же время не зная этого.

Пока я говорю, в памяти все отчетливее прорисовываются детали. Вскоре я уже не в общей комнате психиатрической лечебницы, но на улице, наполненной людьми. Я иду по ней, куда-то направляясь. Заблудился и одновременно нашел себя. Меня переполняет эйфория: я вернулся в свой мир. Наконец-то чувствую себя на месте. Люди вокруг, я их не контролирую, я абсолютно убежден, что они живут своей жизнью, никак не связанной с моей. Чтобы проверить это, я останавливаю прохожего.

– Прошу прощения, – говорю я, но он игнорирует меня и идет дальше, я обращаюсь к следующему, – извините. – тот останавливается. Мужчина средних лет в типовом деловом костюме смотрит на меня оценивающе и немного сверху вниз. – Могу я поинтересоваться, куда вы направляетесь?

Он смотрит на меня подозрительно и, немного погодя, произносит:

– На работу. А почему вы спрашиваете?

– Просто интересно, извините за беспокойство, – говорю я, улыбаясь, после чего иду дальше. Мужчина какое-то время стоит на месте, недоумевая, глядит мне вслед. Я иду, потом начинаю бежать, незнакомая улица захватывает меня. В какой-то момент, переполненный эйфорией, я решаю посмотреть на свои руки. Я смотрю на них и узнаю, но в то же время понимаю, что никогда особо не смотрел на них до этого. В голову приходит мысль посмотреть на себя в зеркало, но вокруг нет зеркальных поверхностей, и я просто иду дальше.

Проходит несколько секунд, прежде чем я начинаю слышать назойливый истеричный свисток:

– Стойте! Стоять! – я оборачиваюсь, чтобы увидеть бегу-

щего в мою сторону постового. Его рука лежит на рукоятке пистолета, пока что по-прежнему лежащего в кобуре на поясе. Я останавливаюсь и даю ему приблизиться.

– Руки на виду! – призывно-визгливым тоном восклицает постовой. – Выверните карманы, только медленно! – пока он говорит все это, я задумываюсь о том, что этот человек явно не знает, что ему делать – вид у него совершенно потерянный. Пистолет он уже успел выхватить и трясущимися руками направить на меня, я обращаюсь к нему максимально спокойным голосом:

– Извините, могу я поинтересоваться, в чем, собственно говоря, проблема?

– Заткнись! – взвизгивает полицейский, пока его вспотевшие руки, сжимающие, кажется, с невероятной силой табельное оружие, начинают еще больше трястись. Все это что-то напоминает мне, но я не могу вспомнить, что именно. Периферическим зрением я замечаю, что большинство прохожих находится где-то на пограничье между любопытством и страхом, образовав вокруг нас своеобразный полукруг.

Я решаю, что, что бы ни сказал сейчас, сделаю только хуже, а потому просто молчу, давая шанс ситуации разрешиться самой. В конце концов, если это мой сон, рано или поздно

придется проснуться.

– Эй! Псс! Эй, ты! – голос из толпы, женский голос, до боли знакомый. Я обегаю взглядом зевак, начинаю крутить головой, в какой-то момент забываю о полицейском и своих руках, которые должны оставаться поднятыми. Я ищу в толпе лицо, слышу приглушенные крики, а потом чуть громкий хлопок, сопровождаемый ощущением острой боли в спине и груди. Не имея сил держаться на ногах, я начинаю заваливаться и пьяными шагами перемещаюсь туда-сюда, чем пугаю многих людей, некоторые из которых успевают картинно упасть в обморок. Мое внимание полностью переключается на моего убийцу, который, похоже, сам в ужасе от содеянного. Пистолет его смотрит дымящимся дулом в землю, рот полуоткрыт, как у идиота, в глазах тупой страх осознания. Это последнее, что я фиксирую в этом мире перед падением. Глаза открыты, а простреленное сердце все еще бьется. Через несколько секунд я понимаю, что вижу именно его на фоне голубого неба прямо перед своим носом. Кто-то держит его в вытянутой руке.

– Это твое, похоже, ты обронил, – говорит знакомый голос, я пытаюсь приподняться, чтобы посмотреть на нее, но она сама оказывает любезность и наклоняется, чтобы я мог ее разглядеть. – И тут ты не справился, бедный простофиля, а сердечко-то беречь надо, – произносит она, улыбаясь,

и кладет мне мое сердце в ослабевшую руку.

Последние мгновенья этой жизни я провожу, лежа посреди городской улицы, окруженный зеваками и застреленный простофилей-постовым. Мои глаза постепенно закрываются, а кровотокающая мышца в руке перестает пульсировать.

Когда я вновь открываю глаза, обнаруживаю себя на полу общей комнаты психиатрической лечебницы, на меня смотрит старик, просивший рассказать о снах, санитар, голова-горшок и пара пациентов, которых я до этого никогда не видел.

– Ну что, ты как? – спрашивает Вергилий.

– Отвали отсюда! – прикрикивает на него санитар-надзиратель, после чего обращается ко мне, – идти можешь?

– Да, – говорю я, немного погодя.

– Хорошо, сейчас мы отведем тебя к доктору, пошли, вставай. – санитар берет меня под руку, откуда не возьмись появляется еще один, берущий меня под другую.

– А что случилось? – спрашиваю я.

– Ты отключился, пока рассказывал, – говорит старец.

Меня ведут по длинным лабиринтообразным коридорам к нужному кабинету. Я уже ожидаю увидеть знакомое лицо главврача, пока меня подводят к самой двери. Санитар стучит свободной левой рукой, одновременно поддерживая меня правой, хотя я уже несколько раз промямлил, что в помощи не нуждаюсь, ведь ноги-то у меня не атрофировались.

Дверь открывается, передо мной девушка-доктор.

– Проходите, – произносит очень красивый голос. Меня слегка подталкивают, и я говорю:

– Правда, парни, можете меня не поддерживать, я справлюсь. – руки отпускают меня, когда я уже переступаю порог кабинета, и за мной закрывается дверь. Леди-врач смотрит на меня и улыбается:

– Прошу, присаживайтесь, – говорит она, указывая на небольшой диван, стоящий у стенки. Я сажусь. Она садится в кресло, стоящее напротив дивана в центре комнаты, – итак, о чем вы хотите поговорить?

Я не ожидаю такого вопроса, а потому на какое-то время теряюсь, пока от легкого ошеломления меня не пробуждает

все тот же ласковый голос:

– Эй, вы как? – спрашивает меня дама-психиатр.

– Все в... кхм, все в порядке, – отвечаю я.

– Хорошо, ну так о чем вы хотите поговорить?

– Прошу прощения?

– Вы о чем-то говорили с другим пациентом, когда случился припадок. – она произносит это спокойным и ровным голосом без какого-либо признака эмоциональной оценки.

– Припадок?

– Ну да, или как бы вы это назвали? – спрашивает она, улыбаясь и глядя мне прямо в глаза, взгляд зачаровывает меня, почти гипнотизирует, не сразу я замечаю, что у нее один глаз зеленый, другой – карий. Я вдруг вспоминаю про идущий между нами разговор и решаю ответить:

– Я не знаю, не помню, как это произошло... – говорю я, слегка увлекшись воспоминанием о смерти.

– О чем вы задумались? – спрашивает дева-целитель.

– Да так, ни о чем, – говорю я, словно опомнившись.

– Хорошо, можете не отвечать, если не хотите, – улыбается она, после чего приподнимается с кресла и подходит к книжным полкам, висящим за спинкой кресла на противоположной от меня стене матового серо-голубого цвета. Там она отодвигает пару книг и извлекает небольшую шкатулку. Меня это заинтересовывает, так что я даже пару раз порываюсь приподняться, чтобы разглядеть, что же у нее там, но вовремя сдерживаюсь. Тем временем докторша ставит закрытую шкатулку на стол, подходит к входной двери кабинета и защелкивает замок. Грациозно и непринужденно разворачивается и направляется к окну напротив. Возле окна она приподнимается на цыпочки, и только сейчас я замечаю, что она босая. Пока я смотрю на ее обнаженные ступни, она приоткрывает самую верхнюю створку окна, потом закрывает жалюзи, из-за чего комната погружается во мрак. Она включает лампу, стоящую на столе, и в кабинете воцаряется комфортная и уютная атмосфера. Все это время я сижу в недоумевающем оцепенении. Еще пару манипуляций, и вот откуда-то на столе старомодный радиоприемник с кассетником. Стоп, откуда я знаю, что он старомодный?

Она извлекает из открытой шкатулки небольшую самокрутку, подносит ко рту и поджигает, одновременно затяги-

ваясь. Я наблюдаю за всем этим, как зачарованный.

– Вам разрешено курить? – выговариваю я.

– Не знаю, если честно, я никогда не спрашивала, – говорит она, вновь пронизывая меня улыбкой. Запах от зажженной самокрутки кажется мне странным, она выпускает клуб дыма и вновь затягивается.

– А что это?

– То, что помогает мне немного расслабиться и лучше вникнуть в проблемы пациентов, – произносит врач, делая очередную глубокую затяжку, после чего аккуратно тушит курево о внутреннюю сторону крышки шкатулки. Закрыв шкатулку, она достает из ящика стола освежитель воздуха и все такими же непринужденными движениями распыливает содержимое в воздух, после чего закрывает верхнюю дверцу окна, вновь приподнявшись на цыпочки босыми ногами и запустив руку под закрытые жалюзи. Я наблюдаю за каждым ее движением уже не столько зачарованный, сколько сбитый с толку этой женщиной. Как будто я мог еще больше сбиться с толку!

– Все хорошо, – спокойно произносит она. – Знаете, вы мне нравитесь, с вами комфортно проводить сеанс. Вы не

обременяете меня ненужной болтовней, но вроде бы ничего и не скрываете: все видно по вашим глазам и лицу.

Заявление приводит меня в шок, я не знаю, что и говорить. Лишившись дара речи, я задумываюсь о том, что все предметы, использованные терапевтом в ходе нашего сеанса, были мне очень знакомы, не вызвали недоумения или вопроса. До сих пор я о таких вещах не думал, а ведь я же действительно хорошо знаком с объектами материального мира вокруг. Я же не появился из воздуха, не может быть, чтобы воспоминаний о прошлой жизни просто не было! Почему я смирился с этим? Волнение, учащенное сердцебиение, пот выступает на коже, сбитое дыхание.

– Не волнуйтесь, – говорит доктор, и вдруг я вижу, что она меняется: передо мной не девушка-терапевт с разноцветными глазами, а Она, та самая она. Та, что позаботилась о том, чтобы сердце было при мне. Это пугает меня, но и успокаивает. Я просто в одночасье принимаю свою судьбу, какой бы она ни была. – Привеет, – говорит уже другой голос, я хорошо знаю этот голос. – Как ты тут, соскучился?

– Я не успел соскучиться, – говорю я, – ты везде, ты меня преследуешь, а я даже не знаю, кто ты.

– Плод твоего больного воображения? – спрашивает она,

почти ехидно улыбаясь.

– В данном конкретном случае боюсь, что иначе просто не может быть. – отвечаю я, и она негромко и очень тепло смеется.

Передо мной снова леди-доктор. На ее лице улыбка. А общая атмосфера в комнате как-то невзначай и внезапно поменялась: наверное, дело в освещении – жалюзи более не закрыты, а лампа на столе выключена. Когда все эти метаморфозы успели произойти, я не заметил. Складывается впечатление, что я находился в каком-то трансе, поэтому я спрашиваю:

– Вы что, ввели меня в какое-то подобие транса?

– Можно сказать и так, – мягко произносит доктор, – ну как, расскажете мне, кто она такая?

– О ком вы? – спрашиваю я и не вру: будучи сбитым с толку, я не вполне улавливаю смысл вопроса.

– Сами знаете, та девушка, с которой вы разговаривали только что, это точно была не я, но было видно, что вы крайне взволнованы и возбуждены, мужчина вряд ли бы вызвал в вас такую реакцию. Или, может, я ошибаюсь?

– Вы знаете больше, чем я, о причинах, по которым я здесь? – неожиданно для себя самого спрашиваю я.

Она лишь улыбается, я думаю, что она ничего не ответит, но она говорит:

– Я предпочитаю не читать историю болезни, так интереснее, и это позволяет быть более, ну не знаю, объективной, что ли. – говорит она и снова мягко улыбается, что уже начинает меня раздражать.

– Откуда мне знать, что вы не лжете? Почему я должен вам верить?

– Вы не должны.

Глава 5.

Сеансы с дамой-психиатром теперь регулярны, так она мне говорит перед тем, как я выхожу из ее кабинета. Я иду по коридору, не разбирая дороги: настолько странно и опустошенно себя чувствую.

В какой-то момент я оказываюсь в общей комнате, совершенно не понимая, как тут очутился. Однако я не успеваю задуматься над этим, потому что здесь настоящее столпотворение. Возле колонны в центре на табуретке, возвышаясь над толпой заинтересованных психов, стоит Вергилий. Своим чарующим голосом он декламирует речь:

– А вдруг те жизни, которые мы переживаем и те истории, которые помним, не продукты нашего воображения, а реальные факты, просто в иной версии происходящего? Ведь реальностей может быть бесконечное множество, соответственно, мы имеем множество воплощений в каждой из них, и иногда восприятие одного воплощения переливается к другому. И вдруг мы просто путаемся в том, в какой реальности находимся? Так что, если кто-нибудь когда-нибудь назовет вас сумасшедшим, не верьте им, ведь они всего лишь продукт иной реальности, иного мировоззрения. У нас нет имен, нет национальностей, четких политических и религи-

озных взглядов, нет расовой принадлежности, нас не существует, и мы живее всех живых!

Поскольку я только пришел, моментально оказываюсь в поле его зрения:

– Ааа! Вот и наш мессия, наш пророк, наш духовный наставник! – он спрыгивает с табуретки, проталкивается через толпу своих «последователей» и подходит ко мне с выражением неподдельного воодушевления на лице.

– Что тебе нужно? – механически говорю я. От этого голова-горшок несколько оторопевает, но быстро приходит в себя и говорит:

– Откуда столько агрессии, милейший? Всего лишь хочу пожать вам вашу драгоценную руку! – с этими словами Вергилий аккуратно хватается за правую кисть и очень трепетно, но в то же время активно ее трясет. Подобно тряпичной кукле, я не сопротивляюсь, просто пускаю все на самотек, как если бы от меня ничего не зависело, и почему-то все больше утверждаюсь в мысли, что так оно и есть.

После ритуала долгого рукопожатия голова-горшок разворачивается лицом к толпе пациентов, которую он же тут и собрал, кладет мне правую руку на плечо, левую как бы об-

рацает к народу и произносит:

– Дамы и господа, хочу представить вам человека, которому удалось покорить пространство и время! – некоторые из «зевак» явно не совсем понимают, что происходит, другие радостно и бессмысленно улыбаются, а парочка после его слов пребывает в настоящей истерии, напоминая тинейджеров-поклонниц при виде кумира-рок-звезды. И вновь ассоциация, появившаяся в голове, приводит меня в смятение: четкое ощущение того, что действительность, в которой я сейчас, не подразумевает возможности наличия подобных воспоминаний и ассоциаций. Когда же я сюда попал? Кем я до этого был? Почему я абсолютно ничего не помню?

В это время, пока в свойственной ей специфической манере беснуется толпа сумасшедших в общей комнате, Вергилий поворачивается ко мне и говорит:

– Что это с тобой? Опять хочешь в обморок грохнуться? – его голос как будто слегка приглушен, как будто простирается сквозь помехи на радиоволнах. Я хочу посмотреть ему в глаза и осознаю, что не могу сфокусировать ни на чем взгляд, словно на глазных яблоках образовалась какая-то пленка, которую нельзя стряхнуть.

Земля уходит из-под ног, ощущение нереальности захле-

стывает с головой. Когда успело случиться так, что я попросту перестал что-либо понимать? Это «когда» только еще больше сбивает с толку. Наконец, окружающие шумы, муть в глазах и полная неразбериха в голове делают свое дело: я падаю на колени, в отчаянии хватаясь за голову, пока Вергилий, склонившись надо мной, очевидно, обеспокоенный, пытается привести меня в чувство своим потерявшим былую силу голосом. Ведь он не знает, что я не слышу его. Он не знает, что я почти и не вижу его.

Вскоре в грандиозную какофонию приглушенных звуков врывается новая группа шумов, назойливая и рассерженная. Перед глазами уже одни размазанные пятна, различающиеся между собой только оттенками цветов. Если толпа сумасшедших под руководством головы-горшка приобретает в моем восприятии бежевый оттенок, то новые линии-пятна-мазки обладают раздражающим белым цветом, который, однако, не освещает ту темную пучину, в которую я потихоньку проваливаюсь, по ощущениям будучи лицом на холодном грязном полу.

Звуки полностью отсечены, я погружаюсь в абсолютную тишину и покой, при этом сознаю все со мной происходящее. Я сознаю и то, что мое зрение отключилось, а также рисую вполне логичную картину в своем воображении, кое-как объясняющую все случившееся, по крайней мере, за по-

следнее время. Очевидно, я был введен в состояние какого-то гипноза своим «лечащим врачом», которая также могла подвергнуть меня воздействию каких-то психотропных веществ. Все это в купе с моим непростым состоянием привело ко всем случившимся со мной «перипетиям». Чуть позже я, по-видимому, стал свидетелем того, как Вергилий или «голова-горшок» поднял путч среди психов, чем вызвал беспокойство персонала клиники, явившегося мне в виде белых красок на полотне импрессиониста. Но о каком логическом объяснении может идти речь? Какой смысл пытаться его найти, или, напротив, только этим мне и стоит заниматься?

Очухиваюсь я на стуле. Комната постепенно приобретает контуры, я не был здесь раньше, хотя, кто его знает, может и был. Рядом стоят еще стулья с пациентами на них, они образуют круг, в центре которого еще один стул, на котором сидит незнакомый мне человек в халате врача. Групповая терапия.

– Итак, давай, Антон, твоя очередь, как прошел твой день? – голос врача, он обращается к человеку, сидящему справа от меня. Тот молчит. – Ну же, скажи что-нибудь, ты должен говорить, если хочешь поправиться.

Какого черта происходит? Как я здесь оказался? Я почти высказываю свое недоумение вслух, но вовремя вспоминаю

о том, что это место не подразумевает недоумения. Также я вспоминаю о том, что его можно выразить не только словами, и, вполне возможно, своей мимикой и произвольными движениями я уже успел себя выдать. Центральной смотрит прямо на меня – так и есть:

– А вы, вы тут новенький, ничем не хотите поделиться? – через его слова сквозит улыбка, которую он еще не успевает изобразить лицевыми мышцами. Подумать только, один сеанс с психиатршей, и я уже не переношу улыбок.

Пытаясь сойти за своего, я решаю отмолчаться. Но под пристальных взглядом доктора, а также всех пациентов вокруг, включая Антона, который представляет собой нечто зажавшееся и будто бы сморщенное, смотрящее на меня как-то искоса-сбоку, я понимаю, что это бессмысленно.

– Пожалуй, мне нечем поделиться, – говорю я.

– Ну, как это нечем? – удивленно произносит врач. – А что же насчет инцидента в общей комнате? Что вы можете сказать об этом?

На какой-то момент все в этом странном помещении замолкает, не слышно ни звука. И я говорю:

– Каком инциденте?

Кажется, доктор ждал этого ответа, потому что он улыбается и говорит:

– Хотите сказать, вы не помните? Позвольте спросить, как вы тут оказались?

Я молчу, не зная, что ответить, а потом мной овладевает спокойное безразличие:

– Я не помню. Кажется, я потерял сознание в общей комнате.

– Да, так и было, – отвечает он. – Пожалуй, это вполне разумное объяснение. Но позвольте дать вам совет: расслабьтесь.

Я не отвечаю, что я должен на такое ответить? Врач пристально смотрит на меня, его глаза лучатся добротой и весельем, он чем-то напоминает Робина Уильямса. Стоп. Актер, актер в кино. Еженедельный вечер фильмов. Общая комната с телевизором.

Тот постовой с трясущимися руками – сцена из «Крепкого орешка 3», какие откровения, о боги. Пока вся комната,

обращенная ко мне, молчит, на моем лице непроизвольно происходит почти трагическая смена выражения: с недоумения на осознание.

– Прошу прощения, похоже, вы куда-то ушли, не так ли? – спрашивает добрый доктор.

– Мне нужно выйти, – говорю я.

– Зачем?– спрашивает Центровой. – Здесь тебе незачем выходить, здесь ты можешь расслабиться, говори все, как есть, все, как ты чувствуешь, не думай о том, каким бредом это может казаться, просто говори, мы здесь для этого, это безопасная территория.

– Почему я должен вам верить? – с легким чувством отворачивая к кажущейся мне «киношности» этой фразы произношу я.

– Потому что мы не оттуда, – говорит доктор, указывая пальцем наверх, я пребываю в недоумении, пока он не произносит: – смотри, куда я указываю.

Я слежу взглядом по направлению его пальца вверх и вижу нечто невообразимое там, где должен быть потолок. Свое лицо, приплюснутое, как будто прижатое к прозрачному стек-

ду. Точнее, одна половина лица приплюснута, а другая нет – как если бы я смотрел на себя, распластанного на полу, с перспективы пола, вернее, пространства за ним. Иными словами, как если бы пол был чем-то вроде стекла в камере допросов, какие часто показывают в фильмах про полицейских.

– Что... как? – спрашиваю я.

– Как я сказал, это безопасная территория. – говорит доктор, улыбаясь. – Здесь ты можешь высказать все, что у тебя на душе, не боясь осуждения.

– Но я и не боюсь осуждения, – отвечаю я. – Просто я сам не знаю, что у меня на душе.

– Так позволь помочь тебе в этом разобраться, – спокойно произносит терапевт.

– Извините, все вы – что, продукт моего воображения? – неуверенно произношу я.

– Ты можешь так думать, если хочешь. На самом деле, ты сам выбрал форму групповой терапии. Возможно, тебе предпочтительнее находиться в группе, потому как ты не доверяешь своему лечащему врачу.

– Это не лишено смысла, – говорю я.

– Итак, – начинает доктор, – о чем хочешь поговорить?

Глава 6.

– Прежде всего, почему я здесь?

– Вопрос очень всеобъемлющий, тебе не кажется? – иронизирует доктор.

– А какие еще следует задавать? – парирую я, чем веселю его.

– И то верно, – отвечает психопсихолог. – Что ж, пожалуй, ответить можно так: ты там, где ты, потому что сторонишься упорядоченности, а самые неприятные нам вещи – это, как известно, те, без которых мы не можем обойтись. Поэтому ты упорядочиваешь то, что вызвал своим протестом против упорядоченности.

Я молчу, взвешивая все сказанное, и...

– НЕТ! – вскрикивает Антон. Это происходит так неожиданно, что я чуть не падаю со стула.

Центровой психопсихолог начинает смеяться, я смотрю на него, все «пациенты» вокруг тоже смотрят, он говорит:

– Антон только что тебя спас. Понимаешь?

– Нет, – честно отвечаю я.

– Не надо делать то, что ты делаешь.

– Что именно?

– Скажи мне одно: почему первым твоим вопросом не был вопрос о твоём прошлом или даже о твоей памяти, если уж на то пошло?

Я ничего не отвечаю, все меньше что-либо понимая или даже пытаясь понять. В эту секунду врач одобрительно кивает:

– Мир не компьютерная система. Не пытайся постичь истину разумом, ее можно только почувствовать.

– И что же мне – не думать вовсе? Да и разве чувства не лгут?

– Не лгут, если они не поверхностны. Ложь – прерогатива интеллектуального восприятия, а мир слишком велик, чтобы объять его человеческим умом.

– Подразумеваете, что есть ум, который на это способен, но не человеческий?

– Вот опять, ничего такого я не говорил, да и не могу сказать, потому что не знаю. Суть в том, что в настоящий момент тебе важнее пытаться понять не мир, а себя. Пойми, что как живому организму с биологическими свойствами тебе не стоит сейчас мыслить себя в контексте бесконечности. Ты не здоров. Ты не твердо стоишь на ногах, ты заблудился. Для начала, приди в норму, а после ступай, куда считаешь нужным.

– То есть принять все, меня беспокоящее, как должное? Смирение – это ответ на все вопросы? – я вдруг понимаю, что очень загорелся разговором, забыв обо всем своем смятении и даже о необычности обстоятельств самого разговора.

– Нет, смирение не то, что тебе нужно, – говорит Центровой. – Тебе нужно спокойствие, будь открыт обстоятельствам, которые превалируют сейчас в твоей жизни, потому как они уже тебя беспокоят и не отпускают, довлея над тобой, как дамоклов меч. Они важнее для тебя сейчас, в глубине твоей души это так, иначе они не мучали бы тебя, позволив оставаться там, где ты обитал раньше. Не думай о природе Космоса и Вселенной, о природе тех или иных реальностей, сейчас это не важно. Потому что сейчас все свое вни-

мание ты должен сфокусировать на своем недуге, то бишь на разгадке причин твоего пребывания там. – психопсихолог указывает на *непотолок*. – Ты пытаешься подавить это, отвлекаясь на вопросы природы вещей, которые в данном случае слишком всеобъемлющи и неуместны.

– Почему «как дамоклов меч»? – спрашиваю я.

– Потому что твое глубинное желание познать эту действительность и твое упорство в избегании оседлости где-либо как таковой расходятся между собой, создавая критическое противоречие, способное тебя попросту уничтожить.

– Мне кажется, я уже умирал как минимум однажды, – говорю я, имея в виду инцидент на городской площади. – И мне кажется, что это тоже по-своему важно, я знаю, что это был не просто сон.

– Возможно, ты и умирал, но ты никогда не подвергался полному уничтожению. Когда, как бы говоря, твоя блуждающая душа разрывается на куски. – говорит это уже не Центровой, а один из «пациентов», сидящих напротив меня, и Антон, и еще кто-то слева. Все сидящие в комнате разом и никто из них, каждый по отдельности и ни один. – Не впадай в шок, сталкиваясь со знакомыми истинами и объектами окружающего мира, просто позволь себе вспомнить, закреп-

пись здесь, выстрой фундамент. Тебе необходимы некоторые границы, поэтому назовем эту встречу «сном» или «видением», пришедшим тебе в голову во время обморока в общей комнате.

Бывшие и так всего лишь жалкими очертаниями и контурами стены помещения, в котором я нахожусь, постепенно исчезают, превращаясь в темноту. Сверху на наш круг, который все больше стирается и обезличивается, разливается спокойный синевато-белый свет.

– Но это только больше сбilo меня с толку! – кричу я. – Что все это значит? Почему я должен забыть о поиске смысла и о своем смятении?

– Потому что сейчас основная доля твоего смятения вызвана болезнью! Здесь и сейчас ты болен, прими это, потому что ты можешь вылечиться, твой недуг в том, что ты потерян и сломлен.

– А чем же вызвана остальная его доля? – спрашиваю я.

– Вопросами, которые в течение всей жизни мучают многих и многих людей. Сейчас они особенно болезненны для тебя. – произносит психопсихолог в центре почти полностью размытого на фоне абсолютной темноты круга стульев, едва

освещаемого тускнеющим прохладным светом.

– А что насчет снов? – вдруг говорю я.

– Это просто: подобно этому, но, возможно, в иной форме, они помогут тебе на пути выздоровления, помогут тебе вспомнить.

– Ну а как же то, что я не могу нормально спать?

– Не волнуйся по этому поводу: сны, которые должны присниться – приснятся, они всегда найдут дорогу, как ты сам уже мог убедиться. – это последние слова призрачного доктора, который вместе со светом окончательно исчезает в подступающей тьме, окутывающей меня, как теплое одеяло.

Глава 7.

Я открыл глаза и обнаружил себя на койке в своей палате, освещаемой лучами закатного солнца. Теперь я видел ее иначе, чем прежде. Наверное оттого, что наконец решил закрепитсья в этой действительности. Вроде бы особых внешних изменений не наблюдалось: все те же белые стены и потолок, в дальнем левом углу от меня находилась дверь, койка делила стену, к которой была приставлена изголовьем, пополам; окно было прямо напротив двери, чуть правее него к стене был приставлен небольшой деревянный стол и стул, вот, собственно, и все. Три другие угла комнаты пустовали, а пол был покрыт светло-синим линолеумом, на высоком потолке располагалось несколько ламп, характерных для больничных заведений. Но, несмотря на оставшийся прежним скучный интерьер комнаты, все здесь казалось каким-то другим.

Поднявшись с койки и накинув халат поверх больничной пижамы, я подошел к окну. Как оказалось, я находился на третьем этаже, внизу виднелся двор лечебницы, он был не слишком большим и прерывался ограждением уже через пять-семь метров от здания, ограждение было высотой в несколько метров и, что примечательно, сверху было покрыто колючей проволокой. За ним находилась, по-видимо-

му, какая-то промышленная зона с множеством складских помещений. Учитывая тот факт, что я мог наблюдать закат, это окно выходило на запад. Однако, какой толк мне был со всей этой информации, оставалось загадкой.

Не зная, что еще делать, я решил прогуляться. Открыв дверь, я вышел в коридор. Можно было повернуть направо и пройти совсем небольшое расстояние до общей комнаты или налево: в этом направлении коридор тянулся так далеко, что нельзя было увидеть, где он заканчивается.

Первым, что бросилось в глаза, была пустыньность, царившая повсюду, а еще полное отсутствие каких-либо звуков. Какое-то время постояв перед открытой дверью палаты, я все-таки решил пройти в общую комнату, чтобы узнать, был ли там кто-нибудь.

Каково же было мое удивление, когда, переступив порог обыкновенно шумного помещения, как я мог судить хотя бы по тем двум разам, что был здесь (о которых, по крайней мере, помнил), я оказался в царстве безмолвия без единой живой души вокруг. Диваны и пуфы стояли в хаотическом беспорядке по разным углам помещения, одна лишь колонна, как и всегда, оставалась на своем месте в центре, соединяя потолок с полом.

Цвета в надвигающихся сумерках потускнели, излучая атмосферу тоскливой безысходности. Жизнеутверждающие настроения были результатом совместной работы солнечного света, в дневное время льющегося через огромное во всю стену окно на восточной стороне, и ярких тонов, присутствовавших в мебели, мягком ковре, стенах и потолке. Но когда этот тандем нарушался, вся концепция портилась или попросту менялась. Пока я размышлял над этим, медленными шагами продвигался вглубь общей комнаты, изучая ее. Внезапно я споткнулся обо что-то и рухнул на ковер. Иронично, что это произошло приблизительно в том же месте, где я падал уже дважды за последний день.

Как оказалось, я споткнулся о тело. Тело старца, который спрашивал меня о снах. Он умирал, но еще дышал, его рука сжимала грудь в области, где сердце. На его лице была как будто нарисована гримаса боли, настолько неестественным оно выглядело. Он бы, наверное, стонал или даже кричал, если бы на то были какие-то силы, но из открытого рта исходил лишь немой вопль страдания. Я присел возле него и, поддавшись какому-то душевному порыву, взял за руку, которую он мне протягивал. Мою кисть сжало с неистовой силой, я почувствовал давление, в перспективе от которого сломались бы пальцы. Я попытался было выдернуть ладонь, но свыкся с болью, вспомнив о той, через которую проходил в настоящий момент старик. Он вдруг напрягся изо всех сил,

превозмогая мучения, подтянулся на моей руке и приподнялся на локте, чтобы сказать:

– Помоги.

В этот момент наши глаза встретились: его несчастный, мученический и умоляющий взгляд с моим, выражающим лишь холодно-отстраненное осознание только что услышанной просьбы. Во мне не происходило никаких душевных волнений, я не впал в отчаяние или смятение, в коих пребывал еще чуть раньше тем же днем. Единственным, что действительно интересовало меня, было запустенье, наступившее в клинике.

Вскоре я понял, что отвлекся на посторонние мысли, забыв о ситуации, в которой находился, и слегка встряхнул головой, чтобы опомниться. Старик и не заметил этого, продолжая смотреть на меня уже заплывшим взглядом нестерпимой боли. Наши глаза встретились в последний раз. Я кивнул, и он позволил себе расслабиться, не увидев во мне ничего, кроме твердости и спокойствия, удивившие даже меня самого.

Когда он вновь лег на спину, тяжело и прерывисто дыша, я высвободил руку из его руки, затем пережал ему рот и нос и придавил затылком к полу. В последний раз его ослабевшее

тело, используя все оставшиеся ресурсы, напряглось и пробудилось, следуя главному инстинкту – выжить. Эти ужасно долгие секунды были неумолимо просты, быть может, самые простые секунды в жизнях нас обоих. Но тут я понял, что происходящее является для меня такой же обыденностью, как и материальные предметы вокруг, очевидные в своем назначении вне зависимости от отсутствия воспоминаний об опыте моего взаимодействия с ними. Грубо говоря, я знал, как работает радиоприемник, не помня ни единого раза, когда бы им пользовался. Также я знал, что убиваю и как убиваю, даже больше: что при этом испытываю и как к этому отношусь. Для справки: ничего и абсолютно спокойно. Но я не помнил ничего о том, как убивал когда-то еще. С другой же стороны, судя по некоторым «всплывшим» воспоминаниям, в клинике любили демонстрировать различные произведения кинематографа, включая множество достаточно жестких. Но разве мог опыт просмотра разыгранной на экране жестокости вылиться в столь всепоглощающее чувство умиротворения и даже комфорта в роли убийцы, которую я исполнял сейчас?

Нет, тут было что-то другое. Я чувствовал, как смерть текла по моим пальцам, пока жизнь покидала бьющееся в последних конвульсиях предсмертной агонии тело старика. И тут, когда мое равнодушное убийство подходило к своему завершению, я вспомнил. Вспомнил, как убивал, но куда бо-

лее эмоционально, вспомнил, как чья-то жизнь прекратилась по моей вине. Тогда я хотел убить и не хотел этого, тогда все было сопряжено с чувством бесконечной ярости и боли. И вдруг, одновременно с этим не оформленным, но ярким воспоминанием, давшим контекст моему прежнему убийству, я ясно понял, что не могу ничего не испытывать в связи с этим. Странно: как если бы мой мозг вдруг вспомнил, что не принадлежит психопату.

Я резко убрал руки от лица уже обездвиженного старца, с ужасом осознавая только что произошедшее. От чего он умирал? Умирал ли он вообще? Вдруг его можно было спасти? Или хуже: вдруг то, как он ушел в итоге, оказалось куда болезненнее той смерти, которая его ожидала без моего вмешательства? Его глаза были прикрыты, рот полуоткрыт, его лицо ничего не выражало, в то же время служа неопровержимым доказательством совершившегося только что убийства.

Я сидел рядом с бездыханным телом, не в силах ничего сделать или даже сказать. Солнце скрылось за горизонтом, чтобы освободить место для тьмы. Внезапно в общей комнате с характерным щелчком включился свет.

– Что тут происходит? – спросила медсестра, которую я прежде никогда не видел. Она вошла не с той стороны, отку-

да я, а из какого-то другого входа в глубине комнаты, где я на моей памяти еще не успел побывать. Она стояла в двух шагах от меня с выражением испуга на лице в, казалось, некотором оцепенении.

– Я...я...– начал было я, когда за спиной медсестры слышался шум приближающихся шагов, за своей спиной я услышал похожий, доносящийся из бесконечного коридора. Вместе с шагами был гул переговаривавшихся голосов, вскоре гул превратился в членораздельный говор в уже непосредственной близости от меня. Это был весь персонал клиники, ну или его второй эшелон: медсестры, санитары, даже уборщицы – все, кроме врачей. Когда все они вошли в комнату и сгрудились вокруг меня и мертвого старика, говора уже не было. Наступило гробовое молчание.

– Что произошло? – спросил санитар, тот самый, который вел меня под руку к врачу утром. – Он мертв?

Вновь мной завладела спокойная расчетливость:

– Я проснулся в своей палате, пришел сюда и нашел его тут одного, он задыхался и умирал, вокруг не было никого, чтобы помочь, я не знал, что делать и подошел, я был с ним рядом до его последнего вздоха.

На какое-то время вновь установилась тишина, никто не нашелся с ответом, так что я решил удовлетворить свое любопытство:

– Где все были? Почему он был один?

Наконец, медсестра, та, что первой вошла в комнату, подала голос:

– Пациент поднял шум, напугал других больных и скрылся. Весь персонал клиники сосредоточился на его поисках и на том, чтобы успокоить разбушевавшихся, наверное, в суматохе мы просто забыли...

– Ну хватит, – перебил санитар-надзиратель командным голосом, – думаю, вам стоит вернуться в палату, а о нем мы позаботимся, – сказал он, имея в виду убитого мной старца. Затем он жестом приказал двум своим коллегам помочь, и те с готовностью подошли ко мне, чтобы взять под руки, поднять и отвести в палату, однако я вежливо отстранился:

– Я думаю, что смогу идти сам, спасибо, – сказал я и неспешно поднялся с пола, а затем направился к коридору, из которого пришел. Никто не стал мне препятствовать, все лишь молча провожали меня взглядом, видимо, несколько сбитые с толку произошедшим. Не могу сказать, что мне

не были знакомы их ощущения. Пока я шел к палате под пристальным наблюдением персонала желтого дома, думал о том, что пациентом, поднявшим шум, скорее всего, был Вергилий. Более того: вероятно, все это произошло во время очередного моего обморока. Не имея возможности пойти куда-то еще, я открыл дверь своей комнаты, бросив последний взгляд на коридор, чтобы еще раз убедиться в его невероятной протяженности.

Как только дверь закрылась, я наткнулся на нечто, приведшее меня в крайнюю степень удивления: на моей кровати сидел голова-горшок или «Вергилий». На его лице была странновато-застенчивая улыбка, и, как только наши взгляды встретились, он приложил палец к своему рту и тихим голосом произнес:

– Они не должны знать, что я здесь. – произнесено это было столь тихо, что я, можно сказать, прочел фразу по губам, догадавшись о ее содержании из контекста.

С минуту постояв подле двери, я все-таки решил приблизиться к незваному гостю, пока тот, в свою очередь, поднялся с моей койки и подошел к центру комнаты. Я не успел вымолвить ни слова, как он уже положил правую руку мне на плечо и легким движением развернул к кровати, указывая на пространство под ней левой рукой. Сгустившиеся су-

мерки ничуть не мешали что-либо разглядеть, ибо в комнате горел свет электрических ламп на потолке, включившийся, видимо, автоматически, что наводило на мысль о возможной перспективе вечернего обхода. Правда, насколько бы ярким ни был свет ламп, увидеть, что находилось под койкой, куда указывал Вергилий, не представлялось возможным. Тем не менее, не дожидаясь какой-либо внятной реакции с моей стороны, он двинулся вперед, обеими руками приподнял кровать, под ней оказалось отверстие. Отверстие было достаточно большим, и трудно было представить, откуда оно возникло и как его еще не обнаружили, но я не стал акцентировать внимание на этих деталях, просто приняв их как данность.

Вергилий обернулся ко мне, все еще придерживая кровать, и кивком головы пригласил спуститься в дыру. Какое-то время я не реагировал, размышляя над тем, куда она могла вести, учитывая, что моя палата располагалась на третьем этаже. Однако совсем свежие воспоминания о бесконечно длинном коридоре, убийстве, да и вообще всем, недавно случившемся, заставили меня решиться на этот сумасбродный шаг.

Глава 8.

Как ни странно, спустившись в непонятную дыру в полу, я оказался на лестнице, ведущей куда-то вниз. Как если бы ни второго, ни первого этажа просто не было или, быть может, конструкция здания была крайне необычной. Впрочем, бесконечный коридор за дверью моей палаты вполне гармонировал с этим любопытным открытием.

За спиной я услышал характерный скрип пружин на кровати, которую, очевидно, опустили на место, а также звук приближающихся шагов, последовавший за ним. Вергилий достаточно быстро поравнялся со мной, что было совсем не удивительно, учитывая мой неспешный темп продвижения в неизвестность в практически полной темноте, за исключением слабого свечения, исходившего откуда-то снизу.

– Ну что же ты, смелее, – весело проговорил голова-горшок громким шепотом. Сказав это, он прошел вперед, вприпрыжку спускаясь по ступенькам. Мне ничего не оставалось, кроме как следовать за ним.

– Спускайся, догоняй, я тебя не съем, – услышал я снизу.

Через пару мгновений я оказался в небольшом помеще-

нии-каморке, больше напоминавшем пещеру, чем комнату. Все стены здесь были обклеены какими-то вырезками и листками бумаги, исписанными неровным почерком, посреди комнаты стоял стол, на котором располагалась настольная лампа, похожая на ту, что была в кабинете дамы-психиатра. Это и был единственный источник мягкого, но достаточно яркого теплого света, который в сочетании с бордово-бежевым цветом стен придавал этому месту кровавый оттенок.

Оглядевшись, я было подумал, что единственным входом и выходом здесь служила достаточно широкая деревянная лестница, ведущая аккурат к моей койке. Но сама возможность этого привела меня в состояние такого беспокойного дискомфорта, что я тут же от нее отказался. Не вдаваясь в размышления о том, насколько лицемерной с моей стороны была такая реакция, учитывая все обстоятельства, скажу лишь, что вскоре я успокоился, разглядев за грудой бумаги на одной из стен очертания двери.

– Итак! – вдруг воскликнул Вергилий, чем вывел меня из задумчивости. – Вот, наконец, мы и скрылись от них!

Его горящие глаза были устремлены прямо на меня, что несколько конфузило, поэтому я решил как можно скорее прервать наступившую паузу:

– А ты уверен, что они не обнаружат дыру в полу?

– Конечно же, уверен! – убежденно заявил голова-горшок. – Ей богу, если бы я не был проникнут к тебе столь глубоким уважением, непременно возмутился бы твоему невежеству.

– Моему невежеству? – переспросил я.

– Ну конечно! Ты же мессия! Тот, кто открыл путь к подлинной и неподдельной свободе! Невежество, к сожалению, естественное следствие этого, ведь память – жертва, которую надо принести! – возбужденно проговорил он.

– О чем ты говоришь? – недоумевал я.

– Это ты, ты просветил меня! Неужели ты не помнишь? – отчаянно произнес Вергилий. На это я мог лишь промолчать. И тогда, словно в лихорадке, он бросился к одной из облепленных листками стен и стал бешено по ней шарить. Не зная, что делать, я просто наблюдал за ним, ожидая, чем все разрешится.

– Вот оно! Все здесь! – внезапно прокричал голова-горшок и рывком приблизился ко мне, держа в руках охапку испианных листов. – Я смог выкрасть некоторые из них до того,

как они забрали остальное!

Моментально до меня дошло, о чем шла речь. Мой дневник, тот, который я писал по наставлению главврача. Я нерешительно забрал у Вергилия листы и пробежал глазами написанное. В отличие от большинства страниц, висевших на стенах помещения, эти были исписаны моим характерно-красивым почерком, здесь я смог прочесть уже некогда процитированный выше отрывок, а также несколько других любопытных записей. Среди них я нашел ту, которая, по-видимому, так взбаламутила Вергилия:

«Память ускользает от меня. Я знаю, знаю, почему. Это место – не более чем временная, нестойкая конструкция, обреченная на крушение. Как и всякое другое место. Мои сны, как они их называют, – вот, что действительно важно. Я нашел источник свободы, этакого полета без завершения, не подразумевающего ни падения, ни посадки. В этом мире они называют его «безумием». Но надо лишь поверить, поверить в иллюзорность, хрупкость тех заблуждений, которые люди, собравшись в кучку (подлинных сумасшедших, называющих себя «личностями»), культивируют, создавая «общество». Понятие, обреченное на безжизненное самоподдержание, где каждое новое испражнение перемалывается и вновь скармливается страждущим наркоманам, чей наркотик – каждодневное оправдание собственного существова-

ния, ставшего самоцелью и потому не имеющего никакого смысла. Стоит лишь поверить в это, и станет ясно – мы можем искривлять пространство и время, перестав воспринимать их как безусловные самоочевидности».

Закончив чтение, я поднял глаза на Вергилия, который все это время не отрывал от меня свой воодушевленный взгляд:

– Ну? – вымолвил он, задыхаясь от волнения. – Видишь? Теперь ты вспомнил? Быть там и тогда, где хочешь! Я... я пытался продолжить, я переписывал твои слова, добавлял свои, я думал над всем этим... и... я так многого достиг, благодаря тебе! Я почти свободен, посмотри, что я смог сделать! Это место – плод моей фантазии, прорвавшийся сквозь пучину диктата реальности, здесь нас никто не найдет, потому что это место не для них! Спустившись сюда, мы сошли с их радаров!

Я не знал, что и думать. Воспоминания о групповой терапии вертелись в голове. В ту секунду я был на распутье. Наконец, я сказал:

– К чему же ты пришел? – стоило мне это произнести, как Вергилий расплылся в улыбке и подошел к стене, обклеенной большим количеством бумаги, чем все другие. Он раз-

вел руками, как бы охватывая всю стену, и сказал:

– Присядь, тебе это понравится.

Не найдя никакой другой поверхности, кроме стола с лампой, я покорно облокотился на него, как и прежде, давая ситуации разрешиться самой по себе. Голова-горшок тем временем развернулся спиной к стене и лицом ко мне с испи-санным огрызком бумаги в руках.

– Я путешествовал – так же, как и ты в свое время, прежде чем очутился здесь – через сны, следуя твоим заветам, и повидал множество интересных мест, стоило лишь отпустить все то, что я знал о себе до этого. Одно место запомнилось мне больше других. Его я посетил одним из первых. Чтобы ничего не забыть, я записал все на бумагу.

Он начал читать.

Он сказал, что это был холодный и мрачный мир...

Глава 9.

«...с толпами снующих туда-сюда людей, которые постоянно молились, останавливаясь перед какими-то случайными объектами. Казалось, никакого порядка или логики в этом не было. Объекты в буквальном смысле имели случайный характер. Это мог быть фонарный столб, лужа грязи, урна для мусора, скамейка, насекомое, чьи-то ботинки или какое-нибудь здание. Люди просто резко прекращали движение, зачарованно смотря на хаотично избранный ими объект, и начинали молиться: кто-то крестился, кто-то падал на колени. Иногда они лишь шевелили губами, проговаривая слова молитв про себя, иногда говорили громко, иногда вообще ничего не говорили, но выполняли причудливую последовательность действий, бывших, по-видимому, частью своеобразного ритуала. Единственным, в чем проглядывалась какая-то закономерность, было то, что молились абсолютно все. Не одновременно, но непременно все. Пока я шел, толпа постоянно меняла конструкцию, поскольку кто-то время от времени прекращал идти, частично затормаживая движение потока и вынуждая других «вклиниваться» и «перестраиваться», словно в автомобильной пробке. Разница была лишь в том, что в том мире не было никаких машин: им попросту не хватило бы места.

Из любопытства я решил проследить за кем-то одним, надеясь разузнать о повадках обитателей здешней действительности побольше. Мой выбор остановился на человеке, молившемся фонарному столбу, который на то время суток был просто столбом. Он смотрел на верхушку столба зачарованно-загипнотизированным взглядом и что-то нашептывал, демонстрируя это лишь едва заметным движением губ. Я подошел поближе.

Люди обходили меня, подобно тому, как вода в горной реке обтекает камни. Движение толпы не останавливалось и даже не стопорилось, просто меняло темп сообразно необходимости. Я стоял и ждал, пока он прекратит молиться столбу и пойдет дальше. Внезапно он перестал смотреть на неработающий фонарь, и его взгляд резко переметнулся на меня:

– Что вы делаете? – спросил он меня.

– Я... – я не знал, что ответить.

– Что лучше: книги или грозовые тучи? – спросил он. Не понимая, что он имеет в виду, я решил спросить:

– Что вы имеете в виду?

– На чем именно вы сидите? – сказал мужчина с видом

человека, который только что все объяснил.

Меня это несколько сконфузило, я даже сделал произвольный шаг назад. Молившийся столбу принял обеспокоенный вид и протянул левую руку вперед, как будто призывая меня успокоиться:

– Я не хотел вас напугать, – сказал он. – Может быть, вы заблудились?

По-прежнему ничего не понимая, я сказал:

– Я просто прогуливаюсь.

– Как? – с ужасом и удивлением в глазах спросил молившийся столбу. – Так... так нельзя, каким образом? Как?! – воскликнул мужчина, срываясь на крик.

Стремительно потеряв всякий к нему интерес, я просто решил уйти, и поскорее. Но стоило мне развернуться и устремиться в поток людей, как этот человек схватил меня за плечо:

– Стой! Постой! У всех есть одержимость, ты не можешь быть исключением! Никто никогда здесь просто так не прогуливается!

Я аккуратно стряхнул руку аборигена со своего плеча, мысленно сетуя на то, что единственным местным, решившимся заговорить с пациентом психиатрической клиники, стал, очевидно, сумасшедший. Подобная ирония совсем не радовала, хоть и не могла не забавить. Стоило мне об этом подумать, мужчина засмеялся по-детски веселым смехом. Никто в сновавшей вокруг толпе не обращал на это никакого внимания, в чем я удостоверился, оглядевшись по сторонам.

– Слушай-ка, послушай-ка, – нараспев произнес молившийся столбу, медленно приближаясь ко мне. По какой-то причине я остановился и просто позволил ему поравняться со мной. – Ты ведь не отсюда, правда? Я сразу это понял, хватило одного беглого взгляда.

– Видишь ли, – продолжал он, – здесь никто так пристально друг на друга не смотрит, если только это не его одержимость. А когда ты не понял моего вопроса, сразу стало понятно, что ты новичок.

– Новичок в чем?! – недоумевал я.

– Правильнее сказать «новичок где», – сказал мужчина, смеясь. – То есть тебя здесь раньше не было, в этом мире.

– И что, предположить такое – для тебя нормально? – удивился я.

– Конечно, это проходная реальность, здесь всем правят одержимость и заикленность. Каждый выбирает предмет поклонения и предмет привычки, все, что существует за пределами этих двух предметов, несущественно и абсолютно возможно. Незыблемого в наших жизнях крайне мало. Как ни странно, фанатизм в специфически направленной и ограниченной форме может быть полезен».

Он читает об этом мире, посещенном им во сне, о том, как абориген, случайно встретившийся ему по дороге, оказался так любезен, что объяснил ему всю необычную природу тамошней реальности. Он читает, задыхаясь от возбуждения, и я чувствую, как снова перестаю быть закрепленным в действительности, я не могу это контролировать, будто та плотина, что была построена видением групповой терапии, разрушилась. Я не могу более спокойно слушать его болтовню, внезапно вскакиваю со стола, на который облокотился, и кричу:

– Хватит! Перестань! – Вергилий оторопевает и перестает читать, закончив на полуслове.

– В чем дело? – говорит он.

Я не отвечаю, только держусь за голову, зажмурив глаза, пытаюсь взять под контроль действительность, вернее, сдать-ся ей в объятия. Но он не отстает:

– Ты испугался, правда? Все нормально, ты потихоньку очухиваешься...

– Нет! – кричу я, – мне сейчас это не нужно, да и вообще ты спятил, ты просто сумасшедший, и это не подземное убежище, а коллективная галлюцинация!

Голова-горшок смотрит на меня взглядом, полным недоумения и ужаса:

– Что же они с тобой сделали? Пойми, весь этот мир – фикция! Ты же сам это знаешь! Ты не должен ему верить! Не должен...

В этот момент речь Вергилия прервал жуткий грохот и невероятной силы вибрации, сотрясавшие стены. Я жутко перепугался в ожидании того, как на нас обрушится потолок, но голова-горшок, казалось, не замечал происходившего вокруг, он только посмотрел на меня сочувственным и грустным взглядом, а затем исчез, просто растворился в воздухе за долю секунды до того, как на то место, где он стоял, упал

КУСОК ПОТОЛКА.

Глава 10.

Я проснулся в своей палате, было утро. Дверь отворилась, стоило мне открыть глаза. Вошла толстая улыбающаяся медсестра с подносом, на котором был завтрак.

«Всего лишь сон», – подумал я. И эта мысль меня успокоила, не надо было думать о Вергилии, о старике, хотя бы сейчас, за завтраком. Медсестра посмотрела на меня и еще шире улыбнулась:

– С добрым утром, – произнесла она, и я подумал, что такой теплой фальшивой улыбки прежде еще не видел.

– И вас также, – ответил я, потягиваясь. Поднос она поставила на стол и развернулась, чтобы уйти, напоследок одарив меня своей фирменной улыбкой:

– Доктор ждет вас в полдень, так что лучше не тянуть с подъемом, наслаждайтесь завтраком, – в этих словах нет ни капли ехидного. И она закрыла за собой дверь.

Я поднялся с кровати, спустив ноги на пол и надев тапки, небрежно застелил постель и накинул халат, висевший на стуле, поверх пижамы, бывшей на мне. Другой одежды не

было и не требовалось. Я сел за стол и принялся за пищу, смакуя каждую ложку больничного завтрака, состоявшего из желе, каши, яблочных долек и чая в пакетике. Все это на бежевом пластиковом подносе, укомплектовано пластиковой ложко-вилкой. Доев, я поднялся из-за стола и вышел в коридор с подносом в руках, чтобы отнести его, куда надо, правда, куда именно было надо, я не знал.

И вот, вопреки обыкновению, я повернул не направо, к общей комнате, а налево: туда, где, насколько я знал, был бесконечный коридор. Однако, посмотрев перед собой, я смог убедиться в том, что коридор был вполне обычным и заканчивался стеной с окном через тридцать метров от того места, где я стоял. Я вполне уверенным шагом направился туда и вскоре пожалел об этом, так как по мере того, как шел, понял, что не приближаюсь к окну в конце коридора. Расстояние как будто увеличивалось, я ускорил шаг и начал проходить мимо дверей по обеим сторонам коридора, только они были не белые, как у пациентов, а коричневые, как у сотрудников учреждения.

Когда я прошел уже с полдюжины коричневых дверей, а окно так и не приблизилось, меня остановила мощная женщина, одетая в строгий деловой костюм. По телосложению она напоминала надзирательницу или повариху в тюрьме:

– Куда это вы направляетесь? – спросила она надменно-строгим голосом.

– Я.. вот тут поднос вынести хотел, – произнес я, несколько замявшись. За моей репликой последовал долгий пытливый взгляд сотрудницы учреждения, после чего она ответила:

– Это в другую сторону, и пациентам не положено здесь быть. Уходите! – сказав это, она указала в прямо противоположную часть коридора, которая заканчивалась общей комнатой.

Не найдясь с каким-нибудь ответом, я просто молча развернулся и направился к общей комнате, отгоняя от себя неприятные мысли о бесконечности, заключенной в здании. Проснувшись утром, я не стал и проверять пространство под койкой, так как был абсолютно уверен в нереальности произошедшего накануне или выбрал быть абсолютно уверенным.

Но, преодолевая метр за метром и неумолимо приближаясь к общей комнате, я не мог не заметить, что этот же временной отрезок потребовался бы для того, чтобы оказаться в противоположной части коридора. И опять, в очередной раз столкнувшись с неразрешимым, я просто забыл об этом

или выбрал об этом забыть.

Стоило моей ноге ступить на уже знакомый ковер или, лучше сказать, ковровое покрытие, как я признал абсолютно все таким, каким видел вчера при выключенном свете. Все вплоть до хаотически расположенной мебели. Ничего не передвигали с отбоя, и я понял, что как минимум какая-то часть моих походов не могла быть сведена ко сну. Стоя на пороге с подносом в руках, я немедленно привлек внимание дежурившего здесь санитара:

– А, это герой прошлой ночи! Почему с подносом? Столовая на другом этаже. – сказал он.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы обдумать его слова. Значило ли это, что смерть старика не была частью моего сна, а, вернее сказать, значило ли это, что вчера я его убил? «Ты же понимаешь, что просто обманываешь себя?» – произнес голос Вергилия у меня в голове. Хотя я доподлинно знал, что вообразил его, значение произнесенного не отменялось.

Вскоре я понял, что вот уже с минуту молча стою перед санитаром, и опомнился:

– Я... я просто отношу поднос, который мне принесла

сестра. Куда его нужно отнести?

– Так медсестра обычно сама забирать должна... – замаялся он, – но вот, – сказав это, санитар указал, на вторую дверь от общей комнаты по правой стороне коридора. Я приблизился к ней и открыл. На поверку там оказался небольшой лифт для транспортировки подносов, посуды, мусора и белья. Лифт был электрический и управлялся рычагом. Надо было открыть дверцу, положить объект внутрь, закрыть и потянуть за рычаг. Сделав все это, я смог наблюдать, как поднос устремился вниз. Невольно проводив взглядом движущуюся кабинку, я почувствовал взгляд у себя на спине и развернулся. Передо мной стояла дама-психиатр, с которой у меня был назначен сеанс.

Глава 11.

– И вот я здесь, у вас в кабинете, – закончил я свой рассказ. Разумеется, деталь об убийстве решил опустить, поведав лишь «официальную версию», конечно, при условии, что я не вообразил вчерашнего и случилось нечто, которое надо было как-то трактовать.

– Хм, – протянула леди-доктор, откинувшись на спинку кресла, – довольно занятный рассказ.

В достаточно подробном докладе о событиях вчерашнего дня после нашего сеанса я опустил лишь деталь о «снах» про групповую терапию и разговор в подполе. Но зато содержание вчерашнего утреннего сновидения решил поведать, так как всерьез вознамерился восстановить утраченные воспоминания и понять, как оказался в лечебнице.

– Что же изменилось? – улыбнувшись, спросила психиатрша, словно прочла мои мысли.

Какое-то время я молчал, но потом ответил:

– Немного устал от путаницы в голове. – «Немного устал от безумия», – подумал я про себя.

– Что ж, хорошо, – произнесла она. – Стоит, пожалуй, сказать, что пациентом, поднявшим путч, были вы. Вергилия, о котором вы рассказывали, не существует, а умерший старик действительно скончался, как показало вскрытие, от разрыва сердца.

Сказанное поразило меня, хоть и нельзя сказать, что сильно.

– А теперь расскажите мне то, что решили скрыть. – продолжила она. – Какие детали вы сочли нужным опустить? – как ни странно, и это меня не удивило.

Но я не поспешил выложить ей все как на духу. У меня возникла иная идея:

– Хорошо, та девушка, которую я в вас увидел на вчерашнем сеансе...

– Да? – поддержала доктор.

– Мне кажется, это из-за нее я здесь, она значила для меня очень много. В какой-то момент я думал, что она посещала меня, но, как выяснилось чуть позднее, посетителей не было.

– Хм, интересно. – проговорила дама-психиатр, после чего погрузилась в задумчивое молчание. Так продолжалось какое-то время, а потом что-то произошло.

Вся комната внезапно погрузилась в полумрак, на столе зажглась лампа, я смотрел на лицо докторши, которое уже не было ее лицом. Это снова была Она, и на этот раз я вознамерился разобраться в том, что со мной происходит.

– Привет, – сказал я.

– Привет, – ответила она без намека на издевку или иронию.

– Кто ты? – спросил я прямо.

– Ты знаешь, – ответила она, расплывшись в улыбке.

– Если бы знал, не спрашивал. – холодно произнес я.

– А это ты помнишь? – спросила она и вытянула перед собой руки ладонями вверх, показывая перекрестные шрамы на запястьях. Но не они напугали меня, а вертикальные кровоточащие порезы во всю длину вскрытых на руках вен. Голову пронзила боль. Лицо девушки, сидевшей напротив, вновь изменилось: на этот раз передо мной была другая. Ве-

роятно, та, что лежала в женском отделении этой клиники. Та, что покончила с собой два года назад. Воспоминания накрыли меня с головой.

Какое-то время я был пациентом этой лечебницы, куда попал три года назад. То, что привело меня сюда, сильно травмировало. Блуждая по коридорам желтого дома, я встретился с ней. Не менее травмированной, чем я. Мы разговаривали, сидя на пуфах в общей комнате.

– Я думаю, люди просто заканчиваются, понимаешь? – сказала она как-то, в то время я в основном молчал, поэтому в беседах играл роль лишь внимательного слушателя. – Это тяжело только сначала, когда не можешь привыкнуть к этой мысли, но потом, со временем, осознаешь, что это даже не гипотеза, а просто аксиома. Люди заканчиваются, как и все в этом мире, всему есть свой срок. Батарейка – апофеоз всех человеческих изобретений, ведь она являет собой воплощенную метафору бытия, наглядно изображающую его суть.

Как я и сказал, в то время я не был особо болтливым, а потому вся суть обратной связи с моей стороны состояла в едва различимом языке тела и взглядах, которые я периодически бросал на собеседника. Что интересно, это идеально подходило всем тем, кто заговаривал со мной, возможно, это

то, что нужно каждому: немой собеседник, не осуждающий и не перебивающий, лишь молча внимающий и всепонимающий.

– Знаешь, когда я училась на режиссера, у меня родилась идея. Я хотела снять фильм, в котором герои будут систематически умирать, но суть в том, что за всю их короткую жизнь на экране они не будут показаны с лица, мы будем видеть только их спины. А лица их мы увидим, только когда они будут мертвы. И, знаешь что, для съемки лиц я собиралась снять настоящих трупов. Однако идея всем жутко не понравилась, мне начали говорить что-то вроде того, что в кино должна быть правда, но не натурализм, все должно быть естественно, но как бы не слишком. Этого я так и не смогла понять. Должно быть, поэтому в итоге и оказалась здесь.

Я слушал ее, временами мне и правда было интересно, но то, что произошло потом, все равно крайне удивило меня. Можно даже сказать, шокировало. Помню, я сидел на пуфах в общей комнате, и она все не приходила. Хотя я и полу-отсутствовал все то время, эта деталь болезненно врезалась мне в мозг, вызывая какое-то недомогание и, казалось бы, беспричинное беспокойство. Периферическим зрением я заметил волнение, происходившее вокруг, какую-то суету. Я медленно поднял голову, словно аутист, и увидел бегущих мимо, явно чем-то серьезно обеспокоенных медсестер. Чи-

сто инстинктивно я поднялся с пуфа, на котором сидел, и последовал за ними. Меня как будто не замечали. Я спокойно прошел сначала вглубь общей комнаты, куда обыкновенно не совался. Потом вышел в такой же длинный коридор, как тот, что был на моей, то есть северной, стороне здания, если я вообще правильно ориентировался, если понятия частей света работали так, как я себе представлял.

Обнаружение источника всеобщей суеты не заставило себя долго ждать. Через несколько дверей по левой стороне коридора, которые, очевидно, принадлежали женским палатам, была одна открытая, в проеме которой толпился персонал клиники и несколько пациенток из соседних комнат. Они подходили, заглядывали внутрь через плечи друг друга, увеличивая толпу еще больше. Мое апатичное настроение в тот момент сменилось нарастающим испугом, сердце начало биться чаще, и вот я уже проталкивался сквозь скопление зевак, дабы моему взору открылось то, что я так боялся увидеть. Мертвое тело моей собеседницы, которая вскрылась на полу своей палаты с помощью обычного деревянного карандаша. Сложно представить, что кто-то убил себя таким необычным орудием. И тем не менее это было так.

Я оказался в центре комнаты, стоя совсем рядом с мертвым телом девушки, и смотрел в ее пустые, безжизненные глаза. Не помню, что произошло потом. Упал ли я в обмо-

рок, отвели ли меня санитары куда-то в другое место. В любом случае, воспоминание подошло к концу, я снова был в кабинете психиатрши. Она смотрела на меня, сидя в своем кресле, совершенно серьезными и спокойными глазами. Ни прежней улыбки, ни загадочности, в ту секунду они были неуместны, и она была в состоянии это понять.

– Расскажите о том, что вспомнили, – будто бы предложила она, настолько ненавязчиво звучала ее реплика. Скорее совет, чем просьба или врачебная рекомендация.

Не пытаясь думать о том, могла ли она знать, какие воспоминания я увидел, я рассказал. После мы оба погрузились в задумчивое молчание, но едва ли ей как моему терапевту было дозволено оставлять меня наедине со своими мыслями в разгар сеанса, а потому она вновь нарушила тишину:

– Что вы обо всем этом думаете?

– А что я могу думать об этом? – ответил я вопросом на вопрос.

– Как вы себя чувствовали, когда увидели вашего друга мертвой?

– Не знаю, можно ли назвать ее другом, – только и смог

сказать я.

– Вы сказали, что хотите разобраться, но отчаянно этому сопротивляетесь. – заявила леди-доктор.

«Откуда ты знаешь, что это Твое воспоминание, а не навязанная тебе идея?» – услышал я голос Вергилий в голове.

– Понимаю, – вдруг сказала дама-целитель, – для вас увиденное – как отрывок из фильма, который вы никогда до этого не смотрели, не так ли?

Удивившись точности аналогии, я ответил:

– Пожалуй, что так.

– Что ж, давайте договоримся быть честными друг с другом до конца. Я – ваш врач, но не могу заставить вас пойти на поправку, если вы сами того не захотите. А для этого вам нужно принять окружающую действительность.

Я молчал, думая, что уже и так принял ее, но в глубине души понимая, что это не совсем так. «Не сдавайся, – говорил Вергилий, – еще есть выход, это не твое место».

– И что я, по-вашему, должен для этого сделать? – произ-

нес я, чем вызвал улыбку на лице терапевта.

– Расскажите, что еще не рассказали.

Ответ был более чем предсказуем, но по какой-то причине я не решался пойти на этот последний шаг. Как будто от этого зависела моя жизнь, словно это была страховка, которую я не хотел отпускать. Единственным, что я знал наверняка, было то, что мне нужна была какая-то определенность. Я больше не хотел блуждать в потемках, а потому решил заговорить.

Последним, что я услышал от Вергилия в своей голове, перед тем как отдаться на попечение реальности лечебницы в лице моего терапевта, было: «Это был ты, тот человек в проходной реальности, о котором я тебе читал, тот, что моллился столбу, когда я нашел его. Это был ты».

Глава 12.

И вот терапия началась. Настоящая терапия. Самоубийца стала вдруг моей давней подругой, по которой я очень скучал. Подобное кататонии состояние, в котором я якобы пребывал на протяжении почти трех лет, я принял как данность. Вергилий превратился в плод моего воспаленного воображения, которое «не отпускало меня в реальность окончательно», как выразились доктора. Мой психотерапевт стал не единственным, кто приходил на беседы – к ней иногда присоединялся главврач. Наконец, спустя недели на очередном сеансе она подняла острый вопрос:

– Ну, что же, давайте поговорим о том, почему вы здесь. Что-нибудь вспомнили?

Я не был готов к такому вопросу, а потому чуть помедлил с ответом. Пытался собраться с мыслями и вдруг осознал, что и правда могу что-то вспомнить. Ощущение было удивительным: будто я наткнулся на клад с сокровищами.

Казалось, что все в моей жизни встало на свои места, точно все шестеренки вошли в пазы и работали, как надо. Я позволил себе погрузиться в воспоминания, как делал уже не раз, находясь в кабинете терапевта.

Впервые за долгое время увидел Ее и почувствовал дикое отвращение. Жуткий дискомфорт: как будто мой успокоенный и только что починенный мир сотрясали землетрясения. Я отмахнулся от транса и вскочил на месте, как когда начинаешь засыпать и вдруг резко просыпаешься.

– Что-то не так? – обеспокоенным голосом спросила Мисс В, как я стал ее называть в последние недели.

– Если вы не против, я хотел бы прервать сеанс и немного отдохнуть.

– Что? Отдохнуть? Боюсь, так не пойдет, прошло только десять минут от положенного часа. – ее голос, холодный и настойчивый, показался мне странным, я не ожидал услышать от нее подобного.

– По-вашему, отдохнуть сейчас, после продолжительной работы и достижения такого прогресса, непозволительно? – спокойно произнес я.

– О каком прогрессе вы говорите? Мы и близко не продвинулись! Пока вы не вспомните, пока ты не вспомнишь, как оказался здесь, вся работа ничего не стоит.

Меня охватило тревожное чувство не совсем необоснованной паранойи. Я разозлился:

– Знаете, теперь у меня вовсе пропало желание находиться здесь, пожалуй, вернусь в свою палату. – я встал с дивана, направился напрямиком к входной двери и вдруг услышал:

– Думаешь, у тебя есть выбор? – сказано это было как будто внутри головы, нежели кем-то поблизости, нельзя было определить, кому принадлежал голос: мужчине или женщине. Я оцепенел и вдруг осознал, что нахожусь не в лечебнице, а на открытом воздухе. Очевидно, я отходил от какого-то места, и меня окликнули.

Оживленная городская улица, достаточно разреженный поток автомобилей на проезжей части по левую сторону от тротуара. Из окна второго этажа выглядывал человек, который окликнул меня. Что именно он сказал и кем именно был этот человек, я не знал, стоя к нему спиной на тот момент, когда «очнулся» в воспоминании.

В этот раз я был уверен, что находился именно в воспоминании, а не во сне. Был ли тому причиной отказ от безумной реальности сновидений как таковой или же, напротив, то, что память не имела ничего общего с неким истинным образом существования и «вселенской» правдой? На этот вопрос

я бы не смог ответить и за тысячу лет, но в тот момент он и не возник у меня в голове. Стоя на незнакомом тротуаре, в глубине души я знал, где именно оказался, но лишь в самой глубине.

По какой-то причине я «оставил» Мисс В и Вергилия, а также желтый дом где-то там, далеко за пределами действительности, но по-прежнему помнил о них. Контролировал ли я свои действия в воспоминании, как делал это во снах, или окружение само управляло мной, делая закономерной частью на холсте туманного мира памяти? Я не мог понять, так как не ощущал разницы. В следующее мгновение я развернулся на окликнувший меня голос и увидел выглядывающую из окна второго этажа голову знакомого. Я не знал, откуда знал его, но не был удивлен видом его физиономии или чем-либо еще: все казалось абсолютно органичным.

– Думаешь, у тебя есть выбор? – словно бы просто эффекта ради повторил он. – Иди, покончи с собой – это все, что тебе остается. Если ты этого не сделаешь, у тебя все равно отнимут право выбирать. – закончив эту проникновенную, но короткую речь, он исчез в дебрях квартиры и закрыл за собой окно.

«Что я здесь делаю?» – казалось, эта мысль должна была появиться в моей голове, но вместо этого я подумал: «Надо

поскорее зайти к ней». Затем я развернулся и пошел по знакомой-незнакомой улице. На перекрестке повернул направо, словно знал, куда идти, не зная этого. Дорога слегка поднималась вверх, и я чувствовал напряжение в ногах, идя по ней. Вскоре я вышел на небольшую площадь, пересеченную по центру трамвайными рельсами, и подошел к остановке, где сел на нужный мне трамвай. Стоя в салоне и держась за поручень, размеренно покачиваясь в такт виражам, проделываемым пассажирским вагоном, я не пытался пошарить по своим карманам в поисках документов, которые позволили бы определить мою личность. Я напряженно думал о чем-то вполне конкретном, о том, что привело меня сюда, в этот момент, в этот трамвай.

«Я должен попрощаться, – думал я, – я должен попрощаться и исчезнуть, пока еще не слишком поздно». Я смотрел на других пассажиров, смотрел в окно и чувствовал, что скоро мне придется со всем этим расстаться, скоро мне придется попрощаться со всем, что было мне близко и дорого. Моя остановка, я вышел.

Пройдя небольшое расстояние по внутренним дворам жилых блоков, я вышел к нужному подъезду, подошел к домофону и набрал «42». Мне вскоре ответили. Голос был женским, я хорошо знал этот голос:

– Да? – в нем слышалась сонливость.

– Это я, – ответил я как-то автоматически, будто не произнес слова, а услышал себя, произносящим их.

– Что тебе нужно? – тон сменился с вялого на резкий и какой-то холодный.

– Я зашел попрощаться, – снова услышал я себя, как если бы смотрел необыкновенно реалистичный фильм со своим участием.

К моему удивлению, которое так же, как и все вокруг, было, скорее, данностью, чем натуральной реакцией, я услышал характерный звук открывающегося электронного замка типовой железной входной двери стандартного подъезда многоэтажного квартирному дома. Войдя внутрь, я прошел к лифту, поднялся на нужный этаж и подошел к нужной квартире: в сущности, ничего не хочется описывать – настолько неестественно-естественным все казалось. Естественным и органичным, правильным, если можно так выразиться, таким, каким и должно быть. Может, так было с непривычки.

И вот дверь открылась, на пороге стояла Она, та самая она, но на этот раз это была просто она. Мое сердце не забило чаще, я не ощутил смятения чувств, не ощутил ниче-

го, и на этот раз реакция была настоящей, она принадлежала мне-вспоминающему, а не мне-переживающему. Как будто в тот момент, когда я столкнулся лицом к лицу со своей немезидой, своим мучителем и мистерией, я освободился от томительной неизвестности, некоего подобия власти, какой ее образ обладал надо мной столько времени. Однако это откровение длилось недолго, происходящее в воспоминании перехватило мое внимание.

Холодные глаза девушки, к которой я заявился, сверлили меня с порога, немой вопрос «какого черта ты здесь забыл?» почти оглушал. Но вместо того, чтобы озвучить его, она сказала:

– Будешь чай?

– Да, буду, – ответил я. Она пригласила меня войти, помещение квартиры было мне знакомо так же хорошо, как и все остальное до сих пор, хоть я и понял, что не жил здесь, и даже больше: мне здесь были не рады. По-прежнему не имея представления о том, кем мы приходились друг другу, но притом зная это абсолютно точно, я прошел в оставленную открытой входную дверь. Хозяйка квартиры, не дожидаясь меня, уже ушла на кухню. Пассивно-агрессивный жест «чувствуй себя, как дома».

Я разулся и проследовал за ней на звук свистящего чайника. Стеклянная кружка с заранее приготовленным пакетиком стояла на столике рядом с ним. Сама же девушка, так хорошо мне знакомая и совершенно неизвестная одновременно, сидела за столом, покуривая сигарету. Сняв чайник с плиты, я налил кипяток в чашку. Все движения были механическими и выполнялись как будто не мной. Оставив чай остывать, я развернулся к ней и посмотрел ей в глаза. На долю секунды в них как будто блеснула теплая искра, но потом они вновь померкли и заледенели.

– Итак, что на этот раз нужно нашему простофиле? – сказала она с явным оттенком злой иронии.

– Мне ничего не нужно, – спокойно ответил я, – просто подумал, что надо с тобой проститься.

– Ты не в первый раз прощаешься со мной, и каждый раз он оказывается не последним, что делает этот раз особенным?

– Кое-что случилось, – сказал я. Когда произнес это, меня сковали тоска и грусть, но, ощущая эти чувства вполне определенно, я не мог сказать, с чем именно они были связаны. Подобно зрителю необыкновенно реалистичного остросюжетного фильма, я с нетерпением ждал разъяснения та-

индивидуального хода событий.

– Что именно? Ты опять во что-то вляпался?

Мое сознание существовало как бы в двух проекциях. Я испытывал эмоции и мог безразлично аналитически их оценивать со стороны. Вот и в тот момент, после того, как она сказала то, что сказала, я ощутил гнев, слепящую волну ярости и одновременно мог хладнокровно это оценивать.

– Ты всегда была груба ко мне, почему? – услышал я себя спрашивающим.

– Ты вроде пришел ко мне домой попрощаться, или ты хочешь выяснять отношения? – сказала она, испустив нетерпеливый вздох.

– Да, – произнес я, немного погодя. Затем прошелся по кухне с чашкой в руках, явно подбирая нужные слова, правда, что это были за слова, я знать не мог и просто ждал, когда произнесу их.

– Ну? – сказала она надменно-нетерпеливым тоном. – Хватит ходить вокруг, да около, раз пришел, говори уже!

И снова злость, снова ощущение мелочной обиды, под-

крепляемой глубинным чувством бессилия и оскорбленного достоинства, во всяком случае, так я оценил эти чувства. Встав посреди комнаты, я, наконец, заговорил, стараясь сохранять спокойный тон голоса:

– Как ты знаешь, последние месяцы я работал в научно-исследовательской лаборатории, – начал я и крайне удивился столь неожиданному открытию о себе. – Так вот, ученые работали над крайне опасной формулой нового вируса, поражающего иммунную систему: организм при столкновении с ним не знает, как реагировать, потому что белые тельца в крови моментально умирают, не знаю всех тонкостей процесса, но одно можно сказать с абсолютной уверенностью: смерть неизбежно наступает в течение суток.

– Подожди, – вдруг перебила она, – ты говоришь, что работаешь в какой-то тайной правительственной лаборатории, разрабатывающей биологическое оружие? Больше похоже на сюжет какого-нибудь любимого тобой комикса или сериала, – насмешливо-скептически произнесла девушка.

– Ты дашь мне закончить или нет?! – вдруг вспыхнул я, повысив голос.

– Конечно, прошу, это даже интересно, – сказала она, и я невольно подумал, что мне и самому интересно, к чему я

веду.

– Речь не о биологическом оружии, а о центре по контролю заболеваний. Я работаю там ассистентом лаборанта, иными словами, я никто, если тебе так легче, ни за что важное не отвечаю, в основном, чищу пробирки и отношу образцы. Разумеется, все стерильно, и я соблюдаю все необходимые протоколы, вот только в этот раз произошло нечто ужасное. Вирус был разработан случайно, насколько я смог понять, и, не найдя решения, меня попросили уничтожить образцы после окончания рабочего дня. Казалось бы, столь важная задача несколько превышала мои полномочия, но я не стал спорить. Я понес образцы в нужный кабинет, но каким-то образом один из них пропал. Его не было на месте, в ячейке, я все осмотрел, а когда увидел, было уже поздно.

Похоже, моя собеседница, да и я сам впрочем, не на шутку заинтересовалась рассказом:

– Что же было потом?

– Ампула оказалась за пределами чистой комнаты. Не знаю, как, но я упустил это из виду...

Внезапно я вновь очутился в кабинете терапевта. Не сразу сориентировавшись, первым делом я испытал досаду: ме-

ня словно оторвали от просмотра интересного кино в самый интригующий момент.

Я обнаружил себя сидящим на диване перед расположившейся напротив в кресле психиатрши. Несколько ошалелым взглядом я обежал столь знакомую комнату и вскоре «вернулся» в привычную мне действительность.

– Итак, расскажите, что видели, – спокойно произнесла Мисс В.

Глава 13.

Я в подробностях описал вновь пережитые события и закончил свой рассказ на моменте своего «пробуждения». Мой лечащий врач смотрела на меня долгим пытливым взглядом, прежде чем сказать:

– Ну, это чушь.

Столь неожиданный и довольно резкий ответ удивил меня. Я даже слегка отпрянул, но мне все-таки было интересно, что же она имеет в виду:

– Простите, что вы имеете в виду?

– А что тут непонятного? – произнесла врачиха. – Это чушь. Я вижу, что вы не лжете мне, вы вообще были крайне откровенны со мной все это время, но не с самим собой. Видите ли, я устала от этого вашего бегства, а потому отвечу услугой за услугу: поведаю вам о методе моей терапии.

Почему-то внутри меня в эту секунду как-то похолодело, не знаю, как сказать точнее. За прошедшие недели я перестал ставить под сомнение действительность клиники, включая мотивацию ее персонала и обстоятельства каждодневной

рутины. Все, вплоть до особенностей архитектуры и внутренней обстановки желтого дома. И сейчас, когда мой лечащий врач решил «поведать мне о методике лечения», я вдруг снова почувствовал себя не на месте. Но интерес превозмогал малодушие, связанное с перспективой «неустойчивости».

Какое-то время в молчании проследив за мной взглядом, леди-доктор продолжила:

– На нашем первом сеансе вы не ошиблись: я действительно ввела вас в транс, используя особые методики. Когда вас передали мне, сказали, что вы совершили прорыв и готовы начать лечение, мне отдали вашу историю болезни, но я не прочла ее, поначалу. Сперва я решила подобраться к вам с другой стороны, не апеллируя к фактам вашего прошлого, ведь именно от него вы и бежали. Мне нужна была только одна подсказка, один единственно действенный инструмент, и я ее получила. Понимаете, все ваше состояние, столь смелое и запутанное, сводилось к одному человеку, о ней я узнала все, что смогла. Ключ действительно работал, вас это тормозило, но даже слишком, поэтому требовалось время и терпение. Сейчас, когда мы подошли к поворотному этапу, крайне важно говорить напрямую и избавиться от самообмана. Вы не хотите вспоминать, вы боитесь, поэтому ваши фантазии вмешиваются и путают воспоминания. Не стану лгать,

впоследствии я прочла вашу историю болезни, я могла бы вам все рассказать, но это не поможет, вы просто сведете все к галлюцинаторным фантазиям. На сегодня мы закончили, завтра продолжим, и завтра вы не станете убегать, вы смело взглянете в бездну, чтобы, наконец-то, твердо встать на ноги.

Выйдя из кабинета, я был сам не свой, шел по коридорам клиники с тяжелой опущенной головой, размышляя обо всем услышанном. Мир вокруг казался замедленным фильмом, когда я проходил через общую комнату, наполненную психами самых разных мастей, мимо коридора южного туннеля, принадлежавшего женскому отделению. Я прогулялся до столовой, куда давненько не заходил, и увидел пациента-хохотуна, который еще в незапамятные времена рассказывал мне о посетителях, якобы навещавших меня. Он сидел все на том же месте, где и когда-то, как будто был изваянием, никогда не покидавшим свой пост. Я решил подойти к нему.

– Привет, – сказал я.

Он не сразу поднял голову, будучи сильно занятым своим капустным салатом, но через какое-то время все-таки обратил на меня взор, как будто звуки доходили до него с отставанием:

– Приветствую, ххааааххх, – сказал он, расплывшись в

улыбке.

– Помнишь меня? – спросил я, присев за стол напротив него.

– Конечно, спящая красавица, ххааахх!

– Ну да, почему ты сказал мне, что у меня были посетители, пока я лежал здесь? – произнес я.

– Хм! А разве их не было? – сказал он с почти наигранным удивлением, почесав затылок. Потом снова засмеялся, покачал головой и принялся за еду.

– Нет, их не было, – уверенно ответил я. – Я многое теперь помню и знаю, что за три года меня никто не навещал.

– Три года? Интересная цифра! Ххааааххх, – ответил столовый сумасшедший и затрясся от накатившего смеха.

Я быстро понял, что вряд ли смогу добиться от него чего-то путного, а потому, обреченно выдохнув, встал из-за стола и направился восвояси, но, когда я уходил, хохотун сказал:

– Передавай ему привет, спящая красавица!

Я остановился, как вкопанный, затем развернулся и подошел к нему:

– Кому я должен передать привет?

– Твоему приятелю, – ответил сидящий с набитым капустой ртом. – У которого пасть не закрывается никогда.

Услышанное повергло меня в шок. Неужели он говорил о Вергилии? Больше не о ком. Этот персонаж уже не в первый раз опровергал то, что мне говорили врачи, но сам он явно не был образцом рассудительности и адекватности.

Решив, что, чем дольше пробуду в столовой с ним, тем хуже, я ушел в направлении своей палаты. Для этого мне вновь потребовалось вернуться в общую комнату, где по-прежнему находилось множество пациентов, некоторые из которых уже препровождались сестрами и санитарями обратно в палаты или снабжались необходимыми лекарствами. Вновь я прошел по тому месту, где когда-то лежал убитый мной старец. Закатное солнце, лившееся через большое во всю стену окно, освещало комнату оранжевыми лучами, выхватывавшими в воздухе облака пыли, ежедневно втягиваемой легкими пациентов и персонала.

Наконец я подошел к выходу в северный туннель, такой знакомый и привычный. Я видел окно в противоположном его конце, и подумал о том, что давно уже не пытался пересечь этот коридор, подтвердив или опровергнув тем самым гипотезу о его бесконечной протяженности. В итоге, постояв несколько секунд на пороге общей комнаты, я решил не делать этого, чтобы не запутывать и не сбивать себя с «пути истинного» еще больше.

Я подошел к двери своей палаты. Перед тем как открыть ее, невольно еще раз посмотрел на туннель, который так и не смог пройти целиком. Мне подумалось, что окно, которым он завершался, не приблизилось ни на сантиметр за пройденный отрезок пути из общей комнаты, я вошел и закрыл за собой дверь.

Глава 14.

Той ночью я заснул, впервые за долгое время это произошло, что называется, «без сучка без задоринки». Никаких снов я не видел, по крайней мере, не помнил ничего такого к моменту пробуждения. А проснулся я от стука в окно. Столь явный звук, хоть мне и не часто приходилось его слышать, нельзя было спутать ни с чем. Открыв глаза, я продолжал его слышать: «тук-тук, тук-тук».

Все еще лежа в кровати, я испытал ощущение сковывающего страха, когда боишься пошевелить даже пальцем. Я боялся дать ситуации какое-либо развитие, довольствуясь иллюзией контроля над происходящим, как это обычно бывает при столкновении с иррациональным ужасом. Однако вопрос иррациональности его в данный момент был сомнительным, учитывая явный источник моего беспокойства. Непрерывающийся «тук-тук, тук-тук».

В итоге со мной случилось то, что случалось почти всегда: любопытство победило. Я достаточно быстро вскочил с кровати, убедив себя в том, что стук объясняется каким-то вполне будничным явлением, типа ветки дерева, стучащей по окну от ветра. Тот факт, что деревьев не было возле здания и в помине, я решил проигнорировать. Иной раз, только

сознательно обманув себя, мы способны на что-то решиться.

Я медленно прошел мимо стоявшего у стены стола, на котором ничего не было, кроме пары листов бумаги с тупым карандашом, лежавшим на них: ни лампы, ни тем более пресловутой свечки – в общем, ничего из того, что давало бы какой-то свет и чем пациент мог бы себе навредить. Правда это не помешало одной моей знакомой убить себя, ей хватило и тупого карандаша.

«Почему стол не стоит под окном?» – вдруг задумался я, но вскоре вспомнил, что именно его я как-то швырнул в это самое окно. «Возможно, его отодвинули, чтобы не наводить меня на мысль о повторной попытке, хотя, кто его знает», – подумал я об этом достаточно быстро, двигаясь достаточно медленно, чтобы завершить внутренний монолог как раз к моменту моего сближения с окном в этом достаточно маленьком помещении.

Я посмотрел в окно, за ним, левитируя на высоте трех этажей, был Вергилий. Увидев меня, он засмеялся, от смеха схватился за живот, согнулся пополам и начал вертеться в воздухе. Смех его был беззвучным, что пугало еще больше. И по нему нельзя было сказать, что он насмеялся надо мной, скорее, радовался. Он был рад видеть меня, был рад, что я вижу его. Возможно, я знал это, потому что он был плодом

моего воображения, но я не стал задаваться этим вопросом. Смотря за тем, как он потешно по-детски кувыркается в воздухе, надрываясь от безудержного радостного смеха, я не мог не улыбнуться, но мгновенно осекся: я вдруг подумал о том, что это значило для достигнутого мной за последние недели прогресса, для проделанной скрупулезной работы над собой. Я отмахнулся от Вергилия, зажмурился и встряхнул головой, как бы сбрасывая это видение. Когда я вновь открыл глаза, за окном никого не было, Вергилий исчез, но в ту ночь я уже не смог спать.

Глава 15.

Наутро после почти бессонной ночи я чувствовал себя, как, вероятно, себя чувствует подсудимый перед днем оглашения приговора. Каждое новое свидетельство о неумолимо приближающемся сеансе, на котором все должно было выясниться, нервировало и пугало меня. Я не мог понять, отчего так себя чувствовал, но ничего не мог с собой поделать.

Вот медсестра с подносом вошла в палату с фальшивой улыбкой и стандартным приветствием – пожеланием доброго утра. Вот я уже собрался из палаты, одетый в новую пижаму и халат: да-да, сегодня принесли новый комплект!

Вот я вышел в коридор, с одной стороны заканчивающийся общей комнатой, а с другой – никогда не заканчивающийся. Вот общая комната с душевнобольными самых разных мастей: кто-то ходит вокруг колонны, держась за нее одной рукой, кто-то апатично сидит в углу. И разве не так выглядит любое учреждение? Будь то школа, офис или общественный транспорт. Весь мир – огромный желтый дом.

Я прошел через общую комнату, не фокусируя взгляда ни на одном из моих товарищей по несчастью, поскольку, наверное, не считал их таковыми. Они были не более чем ме-

белью, закономерной, никак со мной не связанной частью окружающей действительности, а я был таким для них, и меня это не волновало.

Когда я пересек общую комнату, вышел в коридор, который вел к столовой, душевым и кабинетам докторов. Я знал, какая именно дверь была мне нужна, и шел туда уже практически на автопилоте. Я мог бы дойти туда с закрытыми глазами. Пока шел, почему-то подумал, что не удивился бы, увидев в кабинете своего лечащего врача электрический стул, на который мне сказали бы сесть. Как оказалось, я почти не ошибся.

Деликатно постучавшись в дверь Мисс В, я услышал «войдите» и открыл ее. В кабинете меня ждали леди-доктор и главврач.

– Прошу, молодой человек, – добродушно произнес главврач, подходя ко мне, разве что не протягивая руки для рукопожатия. Я чувствовал себя, как на какой-то важной бизнес-встрече. Он опустил руку мне на лопатку и легким толчком как бы помог пройти к дивану, куда я обычно садился.

Мой лечащий врач уже сидела в кресле напротив, скрестив ноги, на ней были элегантные полупрозрачные колготки, черная юбка и белая блузка под врачебным халатом, не

сильно отличавшимся от того, что был на главвраче. Последний, в свою очередь, расположился на стуле в углу кабинета. Так же ненавязчиво, как и все, что он когда-либо делал.

– Итак, как спалось этой ночью? – спросила Мисс В.

– Нормально, – солгал я.

– Вы готовы?

– А это имеет значение? – произнес я с чувством тотальной безысходности.

Леди-доктор переглянулась с главврачом, и боковым зрением я заметил, что он кивнул. Впервые за долгое время, а возможно, что и впервые в жизни, я ощущал, что полностью нахожусь во власти какого-то Рока или даже какой-то реальности, меня словно пристегнули на аттракционе и лишили возможности сойти с него. Никогда прежде, даже в минуты абсолютной потерянности, я не чувствовал такого бессилия.

Атмосфера в кабинете вновь невзначай поменялась, своими разноцветными глазами дева-целитель снова посмотрела мне в душу и улыбнулась своей очаровательно-ядовитой улыбкой, она что-то говорила или просто артикулировала какие-то слова беззвучно, а затем ее голос приобрел оттенки

не ее голоса, но голоса кого-то другого. Фразы, которые она стала произносить, половину из которых я просто не воспринимал, принадлежали не ей, а кому-то еще. Кому-то из моего прошлого, кому-то из моей жизни, жизни за пределами клиники, о которой я успел позабыть.

– Подайте, – вдруг сказала она. И я обнаружил себя в подземном переходе возле скрюченной бабушки, опершейся о стену с протянутой рукой. Как и в прошлый раз, чисто механически, будто не управляя собой, а находясь внутри кино о себе, я почувствовал, как полез в карман и извлек оттуда мелочь, которую высыпал в протянутую руку просительницы:

– Благослови вас Господь, – сказала бабушка тихим старческим голосом божьего одуванчика.

Я пошел дальше и поднялся из перехода наружу: оживленный трафик, снующие туда-сюда толпы. Очевидно, был час-пик. Разгар рабочего утра, когда все стремятся на работу или по каким-то там еще повседневным делам и заботам. Я осмотрелся, скорее всего, ориентируясь в пространстве, и, выбрав нужное направление, уверенно зашагал на северо-запад, если я, конечно, правильно умел определять части света.

Снова вполне конкретная мысль возникла перед мыслен-

ным взором: «я должен спешить». Куда – этого я не знал. Пока я шел по улице, почувствовал, как в кармане вибрирует телефон. На ходу я достал его и увидел, что пришло сообщение следующего содержания: «Где тебя, черт возьми, носишь?!».

«Скоро буду», – наспех напечатал я одной рукой и нажал «отправить». После того, как убрал телефон обратно в карман, действительно ускорил темп, продираясь сквозь толпу прохожих. И вот я был уже у нужного дома и набирал номер квартиры: «42». Как и в прошлый раз, ответил женский голос, до боли знакомый голос:

– Да?

– Это я, – ответил я и услышал характерный сигнал открывающегося электронно-магнитного замка.

Когда я поднялся на нужный этаж и подошел к нужной квартире, дверь мне открыла Она, абсолютно голая. Увидев это, я оторопел и залился краской, в эту секунду моя реакция как вспоминающего полностью соответствовала реакции меня-проживающего.

Ее это развеселило, она засмеялась и пригласила меня зайти. Нерешительно я прошел за ней в квартиру. Когда я

закрыл за собой дверь, она спросила:

– Будешь чай?

Я молча кивнул, наверное, просто не имея сил что-либо говорить. Пока я разувался, она ушла на кухню и включила чайник. Когда я вошел туда, на ней был халат, она сидела за столом и курила сигарету, смотря куда-то в пустоту перед собой. Кружка с заготовленным пакетиком стояла возле закипающего чайника. Не зная, куда себя деть, я просто стоял посреди комнаты, как каменный гость.

– Ну что же ты, присаживайся, – сказала она, ехидно ухмыльнувшись. Я сел. – Какими судьбами тебя занесло в мою скромную обитель? – спросила она, и та часть меня, что вспоминала, отметила для себя, что сообщение на телефон, очевидно, было прислано не ей.

– Я зашел попрощаться, – ответил я тихо.

– Мм, попрощаться, – задумчиво проговорила она, смотря куда-то сквозь меня и выпуская дым через ноздри. – Куда уезжаешь?

– Пока не знаю, но я решил, что мне это нужно сейчас. – услышал я свой голос. Вдруг где-то в задней части квартиры

послышался характерный звук слива, сразу после которого закипел чайник.

Заметив удивление на моем лице, она сказала:

– О, не бойся, это всего лишь мой парень.

Я-вспоминающий смог отрешенно и спокойно оценить испытываемые мной-проживающим эмоции: смесь смущения, ревности, ярости, досады и недоумения. В следующее мгновение в дверях появился парень, одетый в одни джинсы и накидывающий на себя рубашку:

– Приветствую, – сказал он спокойно, протягивая мне руку для рукопожатия, – Витя, – добавил он.

Я назвал в ответ, привстав и пожав ему руку. Моя бывшая мистерия поднялась со стула, подошла к нему, приобняла, поцеловала и сказала:

– Позвони, как освободишься.

В ответ он тепло ей улыбнулся, кивнул и сказал, просто из вежливости:

– Да, я бы с удовольствием остался и познакомился с то-

бой поближе, но мне надо бежать, срочные дела.

– Ничего, как-нибудь в другой раз, – спокойно ответил я, но тот я, что вспоминал, знал, что спокойствие было напускным.

– Налей себе пока чай, скоро вернусь, – она сказала это мне, даже просто бросила, уходя проводить своего молодого человека. Когда они вышли из кухни, я какое-то время посидел на месте, а после поднялся и налил себе кипяток в чашку, наблюдая за тем, как вода меняет цвет от завариваемого пакетика.

Дверь в коридоре закрылась, и слышались шаги, я вернулся на свое место и ждал, что будет дальше. Когда она вернулась, села на свой стул, внимательно на меня посмотрела и произнесла:

– Ну, ты, кажется, говорил, что собираешься уехать? – сюрреалистическое ощущение двойственности неожиданно прошло, я как бы полностью вник в процесс мышления и переживаний того себя после ее реплики. Когда она сказала то, что сказала, меня переполнила ярость, я подумал, что она никогда не перестанет меня мучить, никогда не отпустит меня, подумал о том, что все время чувствую себя полным идиотом из-за нее. Я возненавидел себя за мелочность глубо-

кой обиды и жалость к себе, а потом погрузился в самоуничижение. Все эти переживания происходили одновременно: во мне будто произошел взрыв, который схлопнулся и разразился вновь, и так повторялось без конца. Я сидел там, не в силах произнести даже слово, испытывая весь этот спектр чувств и не испытывая ничего одновременно. – Эй, ты не заснул там? – насмешливо проговорила она, или насмешливость мне только послышалась.

– Нет, я тут. – проговорил я.

– Так что там с поездкой? – напомнила она.

– Да, я собираюсь уехать сегодня вечером, мой друг помогает мне в сборах, он ждет в нашей съемной квартире. – сказал я почти отсутствующим голосом, не имея адекватной возможности разобраться в ощущениях.

– Вот как, это на тебя не похоже, – произнесла она, закуривая новую сигарету.

– Почему? – спросил я, подняв глаза от чашки, в которую все это время смотрел, наблюдая за поднимавшимся паром.

– Потому что ты трус и потому что ты жалок, – спокойно сказала она.

– Это ты пыталась мне доказать? – спросил я, чувствуя, как из водоворота эмоций, гнев уверенно выступает на поверхность.

– Пожалуй, – произнесла она, улыбнувшись.

– Ты всегда была жестока ко мне, почему так?

– Почему ты пришел сюда сегодня? Хотел показать, что ты на что-то способен? Хотел поделиться со мной своими глупыми романтическими идеями, которые ты, наконец, решил воплотить в жизнь?

– Я хотел попрощаться, – ответил я, закипая от злости.

– Ну, кого ты, к черту, пытаешься обмануть? – сказала она. – Ты всего лишь малодушный самовлюбленный псевдоинтеллектуал, который пытается всем вокруг что-то доказать.

Ярость уже не просто переполняла меня, она рвалась наружу, пульсировала в венах, стучала в висках, слепила белым светом и глушила пронзительным ультразвуком.

– Как ты можешь быть такой стервой? – спросил я сквозь

зубы.

– Как ты можешь быть таким жалким? – ответила она. – Сколько времени ты собираешься это делать: непонятно зачем доставать меня, ожидая каких-то подарков судьбы? Ты интересуешься только самим собой и все делаешь эффекта ради!

Я вскочил со стула и швырнул кружку с чаем о кафельный пол, горячие брызги обожгли кожу на моей руке, злость полностью застелила рассудок:

– А какого хера в тебе столько ненависти ко мне, а?! Разве ты не этого хочешь? Разве не этого добиваешься? Журишь меня, насмехаешься: да я для тебя бездонный источник веселья, так? Тебе бы только сидеть на своей заднице и смотреть, как я пляшу у твоих ног, но не дождешься, хватит! Я пришел попроситься, хотел расстаться по-человечески, а ты решила устроить это блядское шоу! Да пошла ты, мерзкий, отвратительный человек!

Она молча смотрела на меня, в ее взгляде было легкое удивление, но оно быстро ушло, освободив место привычной холодности и надменной усмешке:

– Ты пришел ко мне домой, чтобы оскорблять меня и бить

посуду? Каждый твой следующий шаг лишь подтверждает мое мнение: ты жалкий самовлюбленный тип, и не обманывайся, это не ненависть. Я презираю тебя. Ты никуда не уедешь, я точно знаю, ты навсегда останешься там, где ты есть сейчас, будешь копошиться в куче собственного дерьма и упиваться своим эго и своими жалкими фантазиями.

Я перестал быть человеком, я превратился в монстра, наполненного одним лишь гневом. Один единственный импульс заполнил мое сознание. Я накинулся на нее, схватил мертвой хваткой за горло и начал душить, она сопротивлялась, пепельница с окурками, упала и вдребезги разбилась, стол перевернулся. Пока мы боролись, поскользнулись на разлитом чае и упали на кафельный пол. Я навалился на нее и продолжал душить, не сразу осознав, что она уже не сопротивляется. Полы ее халата разметались, она была обнажена, но не это захватило мое внимание, а лужа крови, разливающаяся вокруг ее головы, мертвые, пустые глаза. Ее череп проломился от удара об пол, а я даже не заметил этого.

Ярость, гнев, злость, как ни назови, имеет удивительное свойство: она проходит, погасает, как пламя затушенного водой костра, быстро и бесследно. На ее место приходит нечто иное: сожаление. Я сидел на мертвом теле девушки, следы моих пальцев отчетливо виднелись у нее на шее. Мне стало холодно и одиноко, страшно, но более всего тоскливо. Мне

было ее невыносимо жаль, я забрал ее жизнь и ненавижу себя за это. А потом я перестал что-либо чувствовать. Потом я просто исчез.

Глава 16.

Я очнулся в кабинете психиатра. Мисс В и главврач пристально смотрели на меня. Я все вспомнил, тайн не осталось, я знал, как оказался здесь, знал, что сделал. Я знал, что мой друг, который тогда ждал меня в нашей съемной квартире, позвонил мне и я поднял трубку. Я знал, что рассказал ему все произошедшее и он вызвал полицию. Знал, что я бесцельно, не торопясь, шел по улице, измазанный кровью, и не успел далеко отойти, прежде чем меня остановила патрульная машина. Знал, что меня признали невменяемым и отправили сюда, знал так же и то, что сошел с ума от содеянного, а не наоборот. Знал, что, скорее всего, меня отправят отбывать оставшийся срок в тюрьму строгого режима или же оставят здесь, что, в сущности, не имело значения. Знал, что все произошедшее в желтом доме не имело значения, кроме того, что я снова обрел целостность и вернулся в реальность.

И я заплакал, сидя на диване. Плакал, как дитя, пока ле-ди-доктор сидела рядом и сочувственно обнимала меня, а главврач праздновал триумф терапии. Это были слезы грусти, слезы радости и облегчения, наконец-то все закончилось и обрело смысл.

Внезапно пол затрясся, стены затряслись, потолок затряс-

ся, все здание вибрировало и плясало. Каждой клеточкой тела я чувствовал толчки от землетрясения ужасающей силы. Главврач потерял равновесие, испуганно взвизгнул и отполз в угол кабинета, Мисс В инстинктивно прижалась ко мне, а я – к ней. Желтый дом рушился, мир рушился. В окно кабинета ударил ослепительно яркий свет. Стены, потолок и пол пошли трещинами, из них тоже сочился свет. Помещение начало расползаться по швам. И я чувствовал жуткую боль в голове, такую, словно мой мозг подобным же образом разрывало на части. Толчки лишь усиливались, все пациенты и весь персонал истошно вопили от ужаса, эти крики слились в унисон, включая мой крик, крик главврача, крик девы-целителя. Затем звук изменился, он превратился в гул, от сильнейшего приступа мигрени и необычайно яркого света, лившегося отовсюду, я закрыл глаза и не открывал их, пока боль, гул и землетрясение не стихли.

Мне стало легче, самое страшное прошло, и я постепенно открыл глаза. Повсюду был свет, но уже не такой яркий. Мисс В, главврач, желтый дом – все исчезло, я был один, сидел на диване, стоявшем на абсолютно пустом месте, белом пятне. Я огляделся и никого не увидел, а потом услышал знакомый голос Вергилия:

– Ну что, дружище, кажется, получилось. – я не увидел его поначалу, а потом вдруг осознал, что он сидит рядом со

мною на диване, где только что сидела леди-доктор.

– Что получилось? – недоумевал я. Только что все было ясно, а теперь снова творилась какая-то чепуха.

– Я освободил тебя, как и обещал. – сказал он, улыбнувшись.

– Когда ты мне это обещал? – спросил я.

– Ну, технически, я дал слово самому себе, но, поверь, так лучше для нас обоих. – все еще улыбаясь, сказал голова-горшок.

– Ничего не понимаю, – прошептал я, в отчаянии схватившись за голову.

– Ну-ну, хватит драматизировать, – примирительно произнес Вергилий своим чарующим голосом. – Это нормально, ты попал в сети.

– В сети? Какие еще сети?! – воскликнул я. – Что за чушь ты несешь?! Я отказался от тебя, я прогнал тебя, тебя не существует!

Вергилий молча улыбался, а потом сказал:

– Не ты прогнал меня, друг мой, эта реальность сделала это за тебя.

– Что?! Я не понимаю, что ты говоришь! Это какое-то безумие! – не унимался я.

– Возможно, – спокойно сказал голова-горшок, – «в этом мире они называют это «безумием»» – так, кажется, ты писал?

Я понял, о чем он говорил, но сильно легче от этого не стало:

– Слушай, Вергилий, – начал я, – пожалуйста, отпусти меня, я принял свою судьбу, я знаю, что сделал, я не хочу больше бежать.

– Друг мой! – сказал голова-горшок, – не носи чепухи! Все, что случилось, не более чем фантазия! Ты – вольная птица, ты – свободный дух, ты существуешь вне контекста повседневности. Пойми, я не пытаюсь обмануть тебя или обольстить безумными речами. Я такой же реальный человек, как и ты, и бываю косноязычен, но меня освободил ты, и я делаю то же для тебя!

– О чем ты говоришь? – обреченно спросил я.

– Я уже говорил тебе, вероятно, я допустил ошибку тогда. Я хотел преподнести это не напрямую, хотел, чтобы ты сам вспомнил, но все же поступил поспешно, и ты испугался, в результате этот мирок втянул тебя обратно. Я оставил тебе подсказки: бесконечный коридор, пациент в столовой, а что и говорить о постоянных противоречиях вокруг. Я намеренно делал этот мир странным, вносил сумятицу и хаос в распорядок, я пришел за тобой собственноручно и искривил пространство и время, чтобы открыть тебе глаза, но эта реальность сопротивлялась. Любой мир похож на болото или зыбучие пески: остановишься на месте слишком долго, и тебя затянет. Поэтому, в конечном счете, я отступился, чтобы ослабить его бдительность, а затем использовал все силы, какие у меня были, чтобы вырвать тебя оттуда. Пришлось взорвать его, чтобы все сработало.

Я молча слушал, недоумевая, и сказал:

– Ты понимаешь, насколько нелепо все это звучит?

– Хахахах, да, поверь, лучше, чем ты думаешь, – весело проговорил Вергилий.

– Ты хочешь сказать, что только что взорвал этот мир?

– Ну да. А ты не видишь? – сказав это, он обвел руками пустынно-белое пространство вокруг, мы будто находились на поверхности бескрайнего листа А4. Вергилий, я и диван из кабинета моего лечащего врача.

Глава 17.

А дальше голова-горшок рассказывает мне историю, которую когда-то рассказал ему я. Он говорит, что существует бесконечное множество реальностей, измерений, миров, некоторые из них больше, другие меньше. Некоторые сложнее, другие проще. Все мы, каждый из нас, являемся уроженцами какого-либо из них. Чем ограниченнее родной мир, тем ограниченнее наше восприятие, наше изначальное мировоззрение. Но, будучи существами, наделенными разумом, мы можем расширять кругозор, можем выходить за пределы повседневности. У некоторых, таких, как я и он, есть к этому дар, другим сложнее, если вообще возможно этого достичь.

Суть в том, что, преодолев физические ограничения тела, а также так называемый «диктат реальности» (по словам Вергилия, термин, по меньшей мере в данном контексте, введен мной), мы можем освободиться, стать неприкаянными путниками, бездомными бродягами или же «свободными духами», «вольными птицами». Став таковыми, мы можем путешествовать по бескрайним просторам пространства и времени, бесконечным измерениям Вселенной и быть ни к чему не привязанными.

Но у всего есть обратная сторона: есть теория (также озву-

ченная мной, по словам головы-горшка), что человеку на самом деле не нужна такая абсолютная свобода, подсознательно он всегда будет хотеть «осесть» где-нибудь, а лучше – вернуться домой. В такие моменты надо бороться с инстинктом: это всего лишь малодушие несовершенного продукта эволюции, стремление быть в рамках своего вида, в рамках своей обыденной рутины. Однако звонком к пробуждению служит экзистенциальная тоска, депрессия, которая время от времени всех нас одолевает. Обычно люди отвлекают себя чем-нибудь, и это помогает им, помогает им дотянуть до смерти, сохранив иллюзию полноценности и удовлетворенности. На самом же деле это заблуждение, ибо главная ценность – свобода. Причем свобода абсолютная.

Такова теоретическая основа нашего с Вергилием необычного образа жизни. Дальше больше, он говорит мне, что однажды я, путешествуя по маленьким любопытным миркам, оказался в таком, куда в тот момент случайно во сне попал Вергилий. Вергилий же изначально был продуктом той реальности, которую он только что уничтожил, спасая меня. Я, в свою очередь, застрял в ней позже, пытаюсь вытащить его.

Когда в том подполе я прервал чтение головы-горшка, он как раз подбирался к части рассказа, в которой, слушая меня, как ему казалось, находясь во сне, он не на шутку испу-

гался и «проснулся» в свой мир. Но, заметив в нем потенциал, я не мог оставить его прозябать там, а потому проследовал за ним и угодил в ловушку.

Ведь его реальность, измерение, уроженцем которого он якобы являлся, состояло всего лишь из одного единственного здания – желтого дома. Никто никогда здесь не покидал этот дом, не выходил на улицу. Вся жизнь проходила в стенах клиники. А потому, все воспоминания – это всего лишь иллюзия-обманка, работающая, как приманка для всех «скакунов», всех «вольных птиц». Так это видит Вергилий, так он это объясняет.

Однако у меня иная гипотеза: что если воспоминания правдивы? Что если наше прошлое, которое мы когда-то где-то оставили, пытается достучаться до нас? Что если свобода и безумие – это одно и то же? Что если мы так погрязли в безумии, что мним себя счастливыми и свободными, когда на самом деле мы глубоко несчастны и заточены в собственном самообмане? Что если мы просто без конца бежим?

Может, желтый дом и был, своего рода, квазиреальностью, эким маленьким мирком-ловушкой, но что если это Дом таким образом взывает к нам? Зовет своих заблудших сыновей. Зовет их принять ответственность за свершенные ошибки и упущенные жизни.

Я не знаю, как все обстоит на самом деле. Знаю лишь, что сейчас мы с Вергилием взорвали мир, и, возможно, теперь создадим новый на его обломках. Едва ли он получится огромным и сложным, едва ли получится создать что-то большее, чем желтый дом, который мы сломали. Но, быть может, создавая его, мы обратимся к тому ресурсу, который у нас на самом деле еще есть: памяти о давно забытых жизнях. Возможно, населяя его новыми придуманными поселенцами, мы вспомним, от чего когда-то убежали, возможно, это побудит нас вернуться домой, ведь, если верить ученым, ни один образ в сновидениях не придуман нами (в смысле внешне), скорее, причудливым образом он вытряхнут из памяти, из мириад картинок. В любом случае, проживем-увидим, ведь, если все это мой сон, рано или поздно придется проснуться.

Нарколепсия – чудесное заболевание, вы не узнаете, пока не попробуете.

КОНЕЦ

26.04.14-21.04.16

Рындин А.Г.